

Историко-краеведческий
Альманах
Бежецкий край

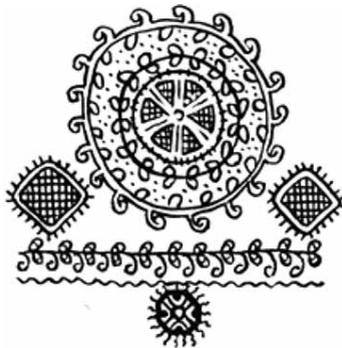
2

Бежецкий край

Выпуск статей
Бежецкого Научного общества
по изучению местного края

ББК 63.3 (2Рос - 4Тв)
М 69

ISBN 978-5-903791-18-7

Историко-краеведческий альманах
«БЕЖЕЦКИЙ КРАЙ» Выпуск №2
2012. – 112 стр., 38 илл.

Учредитель и главный редактор В.В. Козырев.
E-mail: bezhkray@yandex.ru

Обложка:
заслуженный художник России
Олег Леонидович Ломакин
(1924 – 2010)
«Бежецк. Старая церковь».
1962 год.

В альманахе использованы графические работы
члена Союза художников России
Л.Н. Константинова (г. Удомля).

© Альманах «Бежецкий край», 2012
© Издательство «Ванчакова линия», 2012
© Типография ИП Шатин Е.Е., 2012

**Альманах издается по благословению
Его Высокопреосвященства
архиепископа Тверского и Кашинского
Виктора**

Слово редактора

Уважаемый читатель!

Совсем немного времени прошло после выхода первого номера альманаха «Бежецкий край». То, что он оказался востребованным в такой степени, мы не ожидали. Значит, материалы, опубликованные почти век назад, нужны нынешнему поколению. Это вселяет надежду, что мы на правильном пути.

Мы надеемся, что и очередной номер будет для вас не менее интересен предыдущего, поэтому постарались сделать его содержательным, понятным для вас и хотим, чтобы он был вам полезен.

Мы умышленно не делаем никаких подписей под иллюстрациями, не даем никаких биографических сведений об авторах, так как считаем, что читатель, которому стало это интересно, сможет найти все эти сведения в дополнительной литературе.

Мы благодарны за помощь и добрые отзывы в адрес редакции и надеемся, что в дальнейшем мы сможем расширить круг наших сторонников и единомышленников, вместе с которыми сможем добиться новых успехов.

2012 год встретит нас двумя важными событиями в истории нашего края. Это 1150-летие российской государственности и 875-летие первого упоминания Бежецка в летописи. Начало издания данного альманаха — это подарок городу Бежецку, а главное, вам, уважаемые бежечане.

Предсловие
к сборнику "Бежецкий край.
Выпуск статей Бежецкого научного общества
по изучению местного края. Часть I"

Предлагаемая вниманию читателей работа «Бежецкий край» является вторым изданием*. Первое вышло в свет еще в 1921 году. Она представляет сборник статей, авторами которых были члены Бежецкого научного общества по изучению истории и культуры местного края, созданного в 1920 году**.

По своему научному значению, объему и форме изложения материалы статей являются разными. Однако, как нам представляется, несмотря на разнообразие текстов статей, их проблем-

* В настоящем издании научно-справочный аппарат сохранен в том виде, как он был оформлен авторами при первом издании, хотя он не отвечает современным требованиям.

** Об истории создания Общества см.: Волкова М.В. Из истории бежецкого краеведения // Дни Л.Н. Гумилева в Бежецке. По материалам научно-познавательной конференции, прошедшей в Бежецке 29 – 30 октября 1994 года. Бежецк, 1995.

ную направленность, их авторов объединяет научный подход к освещению различных вопросов истории Бежецкого края, заинтересованное, неравнодушное к ней отношение. Рассматривая заявленные в статьях проблемы, авторы опирались, прежде всего, на солидную источниковую базу, широкий круг документальных и исторических материалов, практически не находивших до этого отражения в краеведческой литературе. Они предприняли, на наш взгляд, успешную попытку представить в систематизированном, обобщенном, аналитическом виде наиболее важные, злободневные, актуальные проблемы, не утратившие не только научного, но и просветительского практического значения в настоящее время.

Сборник открывается статьей профессора Ленинградского университета А.А. Спицына «Бежецкая древность» – крупного специалиста в области славянской археологии, который по приглашению инициативной группы бежечан организовал показательные раскопки в погосте Бежичей. В рамках разработанной А.А. Спицыным программы «Описание памятников археологии Бежецкого уезда» в 1924 году членами Общества проводилась археологическая разведка по реке Мологе в некоторых местах.

Основательная научная статья А.А. Спицына впервые в исторической литературе в полной мере освещает самый древний период истории Бежецкого края – от ледниковой, «мамонтовой» эпохи до железного века. На основе конкретного археологического материала автор подробно анализирует периоды палеолита, неолита, медного века с характерными особенностями для Бежецкого края. В ней обстоятельно рассматриваются финские, норманнские и русские древности. Много внимания в статье уделяется археологическим раскопкам на территории Бежецкого уезда сохранившихся курганов XI–XII веков, которые проводились во второй половине XIX – начале XX веков, в том числе и самим Спицыным. В ходе раскопок курганов находились различного рода предметы, вещи, в том числе кольца, бусы, серьги, наконечники стрел и копий, ножи, осколки сосудов. Они давали определенное представление о жизни и быте древних бежечан.

Статья историка-краеведа, священника И.Н. Постникова «Бежецкий Верх», написанная преимущественно на архивных материалах, впервые в нашей литературе исследует административно-территориальное устройство нашего края в основном в

XV–XVIII веках. Анализируя окладную книгу воеводской канцелярии 1773 года, автор считал, что в состав Бежецкого Верха входило 11 станов, 3 волости, 2 приселья. На его территории проживало 71795 душ мужского пола, находилось 121 село, а также 249 помещичьих селец, деревень и погостов.

С нашей точки зрения, в интересной и содержательной научной статье И.Н. Постникова есть ряд спорных моментов, по которым хотелось бы высказать некоторые соображения. Так, он почему-то в отличие от других авторов без серьезной аргументации полагал, что в состав Великого Новгорода входил не Бежецкий край, а Бежецкая область, причем он называет ее колонией. К тому же эта новгородская колония являлась новгородской житницей, была богатой хлебом. Думается, для подобных выводов нужны серьезные документальные подтверждения, которые в статье отсутствуют. На наш взгляд, едва ли можно согласиться с тем, что в состав Новгородской республики вошла Бежецкая колония, хлебная «вторая Украина».

Вызывает неоднозначную оценку и вывод автора о том, что «волость Бежецкая», или Бежецкий Верх, стала называться так с последней четверти XIII века, со времени перенесения областного города от разоренных Бежичан вверх по Мологе к крепости Городецко. На этот счет есть и другая точка зрения, сформулированная А.И. Михайловым, по мнению которого, административный центр из Бежичей переместился постепенно по экономическим и политическим причинам в Городецко в XV веке. Думается, такая позиция ближе к реалиям, хотя эта спорная проблема требует дальнейшего изучения.

Во второй статье, «Дворянское землевладение в Бежецком уезде», И.Н. Постников серьезно, мы бы сказали, фундаментально анализирует становление и развитие класса помещиков дворянского сословия в крае, начиная с XVI столетия, ссылаясь на новгородские писцовые книги. Большая заслуга автора состоит в том, что он, используя огромное количество архивных материалов, впервые рассматривает становление, генезис бежецкого дворянства с подъемами и упадками на протяжении нескольких веков, вплоть до 1917 года. Вводя в научный оборот многочисленные архивные источники, И.Н. Постников называет известные и малоизвестные дворянские фамилии XVI–XX веков,

«богатых» и «бедных», с точки зрения количества владения ими землей и крепостными крестьянами. Автор подробно анализирует количественную и качественную стороны местных помещиков, их экономическое положение и приходит к выводу, что отмена крепостного права привела к их заметному сокращению в уезде. Если в 1866 году насчитывалось 227 дворянских фамилий и они имели 259393 десятины земли, то к 1917 году насчитывалось лишь 143 помещика и они владели 33034 десятинами земли. Следовательно, за 40 лет дворянское землевладение сократилось почти в 8 раз. Земли помещиков переходили в уезде в руки крестьян, купечества. Без всяких революционных потрясений сословие дворян постепенно исчезало в Бежецком уезде. Именно такой вывод напрашивается из содержательной статьи И.Н. Постникова.

Статья С.Г. Петровского «Основные черты хозяйственного быта Бежецкого уезда конца XVIII века» посвящена социально-экономическому развитию края в эпоху правления Екатерины II. В ней приведен богатый фактический материал, характеризующий состояние экономики уезда, основным занятием жителей которого являлось земледелие. Они обеспечивали себя хлебом и кое-что продавали. Причем автор, рассматривая материальное положение бежецкого крестьянина среднего достатка, в том числе крепостного, делает вывод, который свидетельствует о его зажиточной жизни: в хозяйстве имелись 2 лошади, 2 коровы, теленок, 1 овца, 2 свиньи, 10 кур. Однако в статье не сказано, какой процент от общего числа крестьян был обеспечен таким числом скота и сколько находилось в семье едоков.

Как нам представляется, нуждается в более серьезной аргументации оценка автора статьи о том, что конец XVIII века в уезде — это время полного господства натурального хозяйства, а «бежецкий крестьянин продолжал жить в деревенском веке». Конечно, в ту эпоху он в основном удовлетворял продовольственные, хозяйственные и бытовые потребности за счет собственного труда, а промышленность в уезде развивалась весьма слабо. Однако нельзя не учитывать развитие торговли, различного рода промыслов, о которых пишет и С.Г. Петровский и которые оказывали влияние на крестьянскую экономику.

В статье бежецкого этнографа С.Д. Синицына «Теблешане» подробно рассматриваются на основе личных наблюдений и

исследований особенности характера, языка, быта, свадебных обрядов, суеверий, праздников жителей 6 селений Теблешской волости. При этом автор видит эти укоренившиеся особенности теблешан в «заброшенности, обособленности» их территории, окруженной лесами. Думается, кроме этих объективных факторов имелись и другие, влиявшие на сохранение старых обрядов, обычаев, суеверий среди крестьян, в том числе социально-экономические причины. Ведь не только в лесных деревнях Бежецкого уезда сохранялись суеверия, приметы, отмечались буйно и весело престольные праздники, но и в других селениях, не окруженных дремучими лесами, недалеко расположенных от уездного центра.

В статье «Этнографический состав населения Бежецкого уезда» Д.А. Золотарева, профессора Ленинградского этнографического института и хранителя этнографического отделения Русского музея, исследуется национальный состав населения края. Данная работа представляет собой первую серьезную попытку научного анализа вопроса о появлении карел в Бежецком уезде, в одной из центральных губерний Европейской России. На наш взгляд, автору удалось убедительно показать, когда и по каким причинам оказалось такое большое количество карел в крае, которых к 1920 году насчитывалось до 45000, или более 18 % от общей численности населения уезда.

Знакомство с содержанием статей сборника «Бежецкий край» позволяет сделать вывод, что в них исследованы по-научному обстоятельно важные, актуальные и интересные проблемы, которые требуют дальнейшего изучения. А публикацию данной книги, нужной, полезной и необходимой, можно только приветствовать. Она вносит заметный вклад в развитие бежецкого краеведения.

Климин Иван Иванович,
доктор исторических наук,
профессор

А.А. Спицын

Бежецкие древности

В географическом отношении Бежецкий район дает два отдельных пейзажа. Восточная часть, приблизительно от меридиана Бежецка, составляет край интереснейшей Бежецкой возвышенности, охватываемой течением Мологи и Волги. Этот возвышенный остров есть не что иное, как одна часть, или звено, великой моренной гряды, образовавшейся на месте последнего стояния скандинавского ледника и идущей широкою полосою от Вислы на северо-восток в направлении Чардыни до Урала. Это край отдельных возвышенностей округлых форм и длинных прерывчатых гряд. Озер мало; они заменены реками, с более или менее глубоким разрезом (1). Бежецкая отдельная возвышенность, как и весь моренный увал, завалена крупными камнями, валунами, галькою и прикрыта ледниковыми глинами и песками, обыкновенно в смешанном виде супеси или суглинка. Ландшафт одинаков с пейзажем Литвы на западе и Суздаля на востоке. С юга Бежецкая возвышенность примыкает к низине, тянущейся до Тверцы, отчасти осушенной р. Медведицей и сливающейся с долиною р. Мсты, низине неопределенного характера и неизвестного происхождения.

Западная половина уезда занята иными ледниковыми образованиями, именно конечную ледниковую мореную, примыкающую к моренной гряде и идущую в том же основном северо-восточном направлении также в виде полосы, не столь широкой, из Померании через Мазурию и Литву. Обилие моренных меридиональных озер, малые реки, недостаточно дренированная и осушенная местность, дерново-подзолистые валунные глины, суглинки, супеси, пески. Район по пейзажу и свойствам целиком примыкает к соседнему новгородскому. Оба моренные образования своим характером и Волга своим направлением соединяют через Тверской край литовский мир с финским, вызывая взаимные передвижения и культурные влияния, а все остальные реки как Тверской области, так и Бежецкого края связывают Новгород с Суздалем и Москвою, определяя пути передвижения русских племен и направления политических влияний. Географическое положение страны устанавливает и еще два пути взаимных влияний, особенно для русского периода, именно Полоцкий через Осташков и Смоленский через Ржев. Географические особенности страны и ее географическое положение вообще должны были весьма существенным образом сказаться на истории и культурной жизни области, в разное время различно, почему и должны привлечь самое прилежное внимание местных исследователей; обращаем внимание их на то, что Бежецкий край изучен в этом отношении весьма недостаточно и обещает немало неожиданностей, а во всяком случае много ценных наблюдений, необходимых для археологических и исторических исследований.

Палеолит

Судьба растительного и животного царства древних периодов скрыта глубоко в недрах земли края, под позднейшими наносами. Остается пока неопределенным даже то, существовал ли здесь человек в современную геологическую эпоху, четвертичную, в частности в ледниковый период, одновременно с мамонтом, а если существовал, то в какие отдельные периоды — межледниковый (ледников здесь было не менее трех) или послеледниковый. Слабый намек на то, что в период мамонта человек уже появлялся в Тверском, а следовательно, и в Бежецком крае, можно видеть пока лишь в находке бивня мамонта со следами нарезок или насечек

близ Кимр (2). Находки костей мамонта в губернии, по-видимому, не очень обильны и падают более на южную часть губернии, район Зубцова или, может быть, вообще так называемой Алаунской возвышенности. В 1881 году в Бежецком крае находок костей мамонта или иных ему современных животных вовсе не было известно, но зуб мамонта найден на Медведице в д. Раменье в районе оз. Велико-го, на границе уезда, берцовые кости мамонта — в Красном Холму и близ д. Мал. Мякишева на р. Рене в Весьегонском уезде. Ближайшие скопления костей мамонта с поделками человека обнаружены пока на р. Оке (под Муромом), а в другую сторону неопределенные показания на такие находки имеются из-под Новгорода. Так как тверские и бежецкие реки и озера, вероятно, все уже ледникового происхождения, то следы древнейшего человека в крае могут быть находимы, более или менее случайно, только в слоях гальки и наносах, лежащих в нижних горизонтах, а палеолит поздний (в России обнаружен пока только такой) может быть обнаружен и систематическими разведками в условиях современного рельефа страны и ее водных современных образований, в связи с течением рек и берегами озер. При всякой новой находке костей вымерших животных необходимо точно изучать геологический слой их залегания и непременно делать разведки, нет ли вблизи золы, угля, осколков кремневых поделок, следов огня на костях или нарезок на них.

Неолит

Это — время современных форм растительного и животного мира, конечно, неодинаковых для одной и той же местности в разные периоды ее геологической жизни, по мере того, как климат становился то холоднее, то теплее, то влажнее, то суше, а земля то подымалась, то опускалась и морские и озерные воды то заливали местность, то скатывались с нее. Заселение края, без сомнения, изменялось, в зависимости от судьбы соседних районов и общей жизни материка. Следить за всеми этими изменениями, конечно, невозможно ни теперь, ни даже впоследствии при более значительном материале; можно лишь усиленно его разыскивать, копить и классифицировать. Одно только остается неизменным для весьма широкого района: быт его населения, какое бы оно ни было, оставался чрезвычайно длинный срок, почти до по-

следнего времени (да кое-где остается и до настоящей поры) одним и тем же: это быт рыбака и охотника, прочно установившийся здесь благодаря богатству водных и лесных пространств. Возможно, что это был уже арийский мир. По соседству с Бежецким краем, в Новгородском районе, находился один из важнейших центров неолитического периода. Человек жил почти оседло на одних и тех же местах, наиболее удобных для рыболовства и охоты, обитал в чумах, иногда устраивал уже очаги, на материке или в ямах, а зимою, кроме того, охотился на лося, составлявшего наиболее драгоценную добычу, и ловил западнями иных животных. Кроме различных поделок из дерева, кожи и кости, нам слабо известных, он приготовлял разнообразные и многочисленные поделки из кремня и подобных пород камня: дротики, стрелы, ножи, пилки, наветрыши, фигурные пластинки, но главное — скребки, а также глиняную посуду в виде котлов конусовидной формы с круглым дном (3). Подобные находки сопровождают, иногда в чрезвычайном обилии, стоянки человека, располагающиеся, как показали изыскания, в такого рода урочищах: у устья рек и их притоков по берегу, на островах, на ближайших отдельных возвышенностях, на бичевнике озер и в их берегах (в особом черном тонком прослойке), особенно вблизи глубоких озерных ям; на мысах; в глубине заливов; по берегам протоков, соединяющих отдельные озера, в береговых валунных и песчаных валах; на протоках меж материком и островами; в заливах при устье рек (здесь человек, по-видимому, селился на плотях); на дне озер в местах зимнего лова; по берегу озер и рек на вершинах остановившихся и окрепших дюн, в выдувах этих дюн; по берегам рек на верху ближайшей ледниковой террасы; на бичевниках рек в местах добывания кремня из ям; у порогов и вообще у речных быстрин; у камышей и у травы на местах весеннего движения рыбы; на отдельных возвышениях; по низинам, заливаемым водою, в торфяниках на дне бывших озер и заводей, как и на дне еще не вполне заросших озер. Следы стоянок открываются при всякого рода земляных работах: выемке ям для зданий, погребов, для починки полевых дорог, при проведении каналов и канав, полотна железных дорог, в обвале или осадке берега, при рытье колодцев, расчистке пещер, при раскопке курганов и иных насыпей, на обмелевшем дне озер, на местах береговых карьеров для добывания кремня. Чаше всего стоянки обнаруживаются действием стихийных сил приро-

ды, именно: ветром (на песчаных выдувах) и водою (на бичевнике и всякого рода размывах верхних частей берега); на запруженных озерах масса находок делаются по спуску воды. При исследованиях кроме раскопок и послонного просевания через решето земли на новгородских озерах с успехом применено драгирование дна озер частыми железными граблями с лодки.

Новгородский и вообще северо-западный озерный русский неолит имеет по своему богатству и разнообразию огромный, можно сказать, исключительный научный интерес. Это лучший классический неолит Европы. Пока он еще мало собирается и изучается, но это лишь вообще по малой популярности русской археологии и по недостаточному вниманию к нему местных деятелей. Наш неолит делится на три основных периода: 1 — кремневый, характеризующийся поделками из кремня без шлифовки его и грубою посудою с обильной примесью дресвы и энергичным орнаментом из зубцов и ямочек, 2 — период шлифованных орудий, имеющий кроме изделий из оббитого кремня также шлифованные поделки из кремня, шифера и других пород и посуду с близкими орнаментами, но более тонкую и с иною примесью, и 3 — костяной период, приготавливавший кроме кремневых и шлифованных поделок также в большом, может быть преобладающем, количестве вещи из кости (остроги, удочки, ножи, фигуры, долота и пр.) Последний период был особенно длителен. Он не только прошел через весь медный и бронзовый век, но сильно выступил и в железном, пока железо не стало изготовляться в большом количестве. Очень долгое время держались и некоторые кремневые поделки, особенно же скребки и стрелы, а также клинья и, может быть, навертыши. Более позднее население края, финны, явилось сюда, вероятно, в костяной период и, надо думать, со специальными, своими формами изделий, которые и необходимо установить путем обильного собирания материала (4).

Тверской край, конечно, входит в район распространения этого каменного века, во всех его трех периодах. Но здесь наблюдаются и особые формы этой культуры, составляющие пока достояние исключительно Тверского края. Такова прежде всего весьма значительная культура очень раннего неолита, обнаружившаяся по тверскому течению Волги, в разных местах. Изделия этой культуры, изготовленные из местного кремня, отличаются двумя характерными признаками: большою грубостью обработки и

весьма крупною величиною. Формы изделий немногочисленны; это главным образом скребки обычного вида, но весьма массивные, и крупные, иногда огромные, ударные орудия совершенно круглой или же овальной формы; имеются ударные орудия или клинья продолговатые в виде язычка и очень много различных обломков неопределенной формы, назначение которых трудно разгадать; некоторые из них, по-видимому, употреблялись в роли пилы, очень многие почти не носят следов искусственного приготовления. Некоторые ударные орудия овальной формы расколоты пополам, по короткой оси. Многие поделки имеют блестящую поверхность, указывающую на очень старое происхождение их. Главное место находок, по-видимому, — ледниковые полосы или слои валунов и галек, игравших, может быть, роль карьеров для добывания материала; в этом случае поделки обнаруживаются проще всего на бичевнике реки. По другому наблюдению, изделия этого типа залегают, кажется, на верху одной из ледниковых террас и падают вниз на бичевник реки вместе с оседанием берега. Черенков посуды никогда с ними не находят. Лучшая коллекция таких вещей собрана инженером Кандыбою, при его специальных поездках на лодке, и хранится в Музее Академии наук. Они же без большого труда собираются по Волге в районе Ржева и Зубцова, где составлена не одна коллекция находок. Найдены они также близ Твери в Отмичах, Поповке и самой Твери, под Старицею и в других местах, впрочем, пока не ниже Твери. Старицкое собрание, сохраняющееся в Московском Историческом музее, специально изучено и описано Ефименко, который отнес его к типам времени позднего палеолита, именно к типу Кампиньена. Поделки по грубости работы и величине имеют явный характер палеолитических, но культура столь бедна формами, что нельзя решиться отнести ее к палеолиту, весьма развитому в последние периоды, а удобнее признать ее раннеолитическою, и в таком случае это будет тот период между палеолитом и неолитом, который во всей Европе пока еще ничем не наполнен. Ефименко находит, что у нас здесь наблюдается инстинктивное отражение или непонимание позднего палеолита. Во всяком случае, это весьма замечательная культура как для России, так и для Европы и составляет гордость тверской археологии. Возможно, что она обнаружится и в Бежецких древностях, в тех же условиях. При находке

таких орудий необходимо очень тщательно изучать слои, из которых они происходят, чего, впрочем, не сделано, к сожалению, еще и на самой Волге.

В новгородском каменном веке также есть свой разряд поделок такого же далекого периода и подобного происхождения. Здесь на берегу озер Бологого и Шерегородо найдены в изрядном количестве ударные орудия палеолитических форм, одни с тупым, другие с заостренным концом. Что отличает их от палеолита, так это сравнительно малая величина. Многие имеют блестящую поверхность, на которых выступают дендриты, т.е. рисунки в виде веток хвои. Кажется, эти поделки происходят из ледниковых галечных наносов. Нельзя сомневаться, что они обнаружатся и в Бежецком крае, и даже естественнее, чем поделки первого типа.

Неолит тверского течения Волги отличается некоторыми особенностями, дающими основания выделить его в особую, местную группу. Оригинальными поделками здесь являются клинья с желобком и острым концом, а также особые, нигде более не встреченные ударные орудия в виде четверти круга, с острым краем и двумя тупыми тыльями под прямым углом; вероятно, такие топоры прикреплялись к рукоятям. Они довольно велики и, вследствие плохого качества местного кремня, вообще грубо обработаны. Остальные поделки, на первый взгляд, имеют обычные формы, как и посуда, которая, впрочем, очень мало известна. Кажется, она развита слабо, но это интересное обстоятельство еще не установлено; орнамент обычный ямочный и зубчатый. Находки вещей тверского типа встречены и в Смоленской, и Ярославской губерниях, а через р. Медведицу и Мологу они могли попадать и на Бежецкий остров. Хорошие образцы данной культуры имеются в Тверском музее из с. Пекунова и Прислона, а равным образом из разных других местностей; лучшее же собрание, кажется, принадлежало Кандыбе и находится в одной частной петербургской коллекции. Некоторые орудия изготовлены из красивого, но весьма непрочного местного лилового кремня.

Нет сомнения, что наиболее многочисленные и интересные остатки бежецкого каменного века будут найдены в западной половине уезда, примыкающей всецело к Новгородскому району; сюда относятся и все более значительные озера. Едва ли эти находки будут столь же обильны, как на новгородских озерах, но тем не менее можно ручаться, что их будет собрано немало, при надлежа-

щем внимании к делу. Но пока их очень немного, и притом нельзя определить, не относится ли большинство этих кремневых поделок уже к медному периоду. В Тверском музее из Бежецкого уезда имеются поделки из кремня, главным образом стрелки, из с. Борисоглебского, Рамешки, д. Пологи, Болшнева, Мал. Пупцов. Несколько неопределенных кремневых поделок найдено близ курганов у д. Мокшиц. Самые интересные находки пока сделаны были в насыпях курганов у пог. Бежицы при раскопках Археологического института, в музее которого имеются массивный кремневый скребок и черепки с ямочным и зубчатым орнаментом, видимо, старого неолита; мною несколько неопределенных поделок из кремня найдено было на свежераспаханных полях той же местности, в разных пунктах. В 1920 г. Гелак нашел стоянку каменного века в Бежецком крае на острове при впадении Мологи в оз. Верестовое. Она дала несколько поделок из кремня, а главное, целый сортимент черепков старого типа, т.е. грубых с примесью дресвы, с ямочным и другими орнаментами; найдены и более поздние черепки с легким зубчатым орнаментом в косую клетку. Весьма вероятно, что немало изделий из кремня, может быть, и старых, окажется на галечном островке в проливе у с. Узмени и вообще в этой местности, так как здесь совершается усиленное передвижение рыбы. Вообще же берега оз. Верестового, кажется, низкие, и находки вещей каменного века здесь должны выступать, скорее всего, по бичевнику и на прилегающих высотах, где они уже и обнаружены. Надо очень обратить внимание на те участки озера, где и по настоящее время делаются лучшие уловы рыбы (вероятно, в разных местах для разного времени). Конечно, поделки каменного века со временем будут обнаружены и на дне озера путем драгирования, и они будут тем интереснее, что в их составе окажутся поделки из кости, вообще не попадающиеся в стоянках открытых.

Медный период

Первое культурное население появилось в Бежецком крае в медный век в виде носителей так называемой Фатьяновской культуры, имевшей корни, думается, на Дальнем Востоке. Культура эта, названная по д. Фатьяновой близ Ярославля, имеет в России обширное распространение. Известно до 50 принадлежащих ей могильников, рас-

положенных широкими группами в трех больших районах: меж Сурью и низовьями Оки, меж Клязьмою и Волгою, по верхнему течению Волги в Тверском крае, а также в более рассеянном виде в верховьях Днепра и Десны и районе от Рижского залива до Волхова. Весьма возможно, что древности этих отдельных пяти районов несколько отличаются друг от друга, особенно же в керамике, но пока это еще не уяснено, основные же черты культуры всюду одинаковы. Пока наиболее ясен район Ярославский. Лучшие вещи в его могильниках — превосходные шлифованные молотки из плотных пород камня, умеренно-вытянутой формы, нередко с некоторой выемкой или талией в стороне обуха и иногда с борозками и нарезками по верхней оси и по бокам, острие умеренно оттянуто вниз. Это очень изящные поделки, идущие в сравнение лишь с такими же топорами Малой Азии и южной России. Топоры прибалтийского района отличаются тем, что иногда кругом отверстия снизу имеют особый выступ в виде кольца. Далее обычною находкою являются прекрасные, из хорошего материала и хорошо отшлифованные кремневые клинья обыкновенно средней величины, узкие клинья с желобком, полированные и очень хорошие большие ножи в виде клинков на три грани, всегда из отличного материала и с прекрасными режущими краями, размерами до четверти аршина. Редко попадаются кремневые скребки, ножи овальной формы в виде копий (или копья в виде ножей), и почти совершенно не было найдено стрелок. Находки из меди незначительны: одно спиральное ушное кольцо, колечко для привешивания амулета и, может быть, медный нож и топор. Это почти полное отсутствие медных вещей весьма характерно и пока необъяснимо. Нередки ожерелья из амулетов в виде зубов кабана, рыси, медведя, лисицы и собаки, пронизок из птичьих костей и бус из раковин и позвонков рыб. Найдены кое-какие поделки из кости, в том числе какая-то массивная изогнутая копачка, но вообще они немногочисленны и нехарактерны. Очень своеобразна и показательна фатьяновская посуда. Это умеренной величины шарообразные сосуды, гладкие, украшенные по краям полотнищами с тонким узором из насечек в елочку и отчасти в крестик, с широким отверстием, снабженным невысокими, прямыми или загибающимися наружу шейками; примесь к глине растительная, в виде мелко крошенной соломы; на днище снаружи иногда углу-

бление для пальца. Шнурового орнамента, кажется, нет. В общем орнамент и даже форма совпадает с сосудами из Кубанских курганов с окрашенными костяками, известных богатейшими находками вещей из золота, серебра, меди и камня. Посуда и каменные поделки идут также к обширной Нижневолжской культуре того же времени. Обряд погребения всюду, во всех перечисленных культурах, в скорченном положении. Могилы разбросаны редкими группами, почему и обнаруживаются с большим трудом, большей частью совершенно случайно, при выемке песку и валунов из ледниковых возвышений, на темени которых эти могильники, по-видимому, всегда и залегают. Несколько могил в разных местностях найдены были на городищах Дьякова типа после зачистки сделанных на них выемок (5).

Могильники Фатьяновского типа составляют одно из сокровищ тверской археологии. Целая треть всех известных могильников и отдельных находок падает на Тверь, и большею частью именно на Бежецкую возвышенность. Даже для этой далекой поры край представлял что-то особенно привлекательное; может быть, он был ценен именно своим возвышенным положением, а также и удобствами для земледелия, с которым фатьяновцы вполне могли быть знакомы. В Бежецком уезде известно 6 могильников Фатьяновского типа: при д. Болшневе (топор и кремневое копьё), д. Люткине (топор), с. Подобина (один или два топора в Полтавском музее), д. Борке (два топора и череп), в Сукромнах (каменный топор, Н.И. Репников видел здесь могильный обрез сбоку). Подобинский топор несколько вытянутой формы, имеет широкое, очень оттянутое вниз лезвие (находка 1884 г.) (6). Иные могильники той же Бежецкой возвышенности известны близ д. Елисеевой и д. Притыкина Кашинского уезда, в Весьегонске и Красном Холме. Конец Фатьяновской культуры в крае неизвестен, как и ее начало, как нет данных для определения пути ее передвижения, начального и конечного. Гелах нашел близ села Еськи на Вересковом озере любопытный черепок, близкий к Фатьяновской культуре. Он также тонкий, с прямою шейкою, слегка загибающийся внутрь, украшен по венчику шнуровым орнаментом, а по шейке близ него — полоской из коротких насечек; примесь не растительная, а из крупного песку. На городище с. Загородья, расположенного по Мологе на самой границе Бежецкого уезда найдено 5–6 каменных стрелок вели-

колепной работы и хорошего материала, которые можно было бы отнести к Фатьяновской культуре; одна из стрелок с черешком, а остальные с выемками в нижней части (Тверской музее) (7).

Финские древности

Следующими насельниками края были, надо думать, финны, охотники и рыболовы. Ранней культуры их пока мы не можем определить. В Тверской губернии уже есть небольшие намеки на находки костяных орудий, которые и могли бы принадлежать финнам, но следы эти еще крайне неопределенны.

Вполне определенно и ясно финские древности выступают в форме культуры типа Дьяковых городищ 6—8 веков, весьма обильных и в Тверском районе. Общий район распределения этих городищ огромный. Они идут от линии Нарва — Чудское озеро — р. Великая до Оки и Ветлуги и от Белозерска и Галича до Десны; отдельными островками они выступают в Саратовском крае, в низовьях Камы, на среднем течении р. Вятки. Всё это также район распространения финнов, которым городища и можно приписать. Судя, главным образом, по малым размерам городков, можно думать, что назначение их обрядовое. Большая часть их расположена на мысах между рекою и оврагом, огражденных со стороны поля валом или несколькими и рвом; иногда вал охватывает всю площадку, иногда он проходит и по скатам горы. Реже другая форма — отдельные круглые или овальные возвышения, огражденные по верху, а то и по середине, валом. Культурный пласт, разной толщины, от нуля до полуаршинна и даже более, состоит главным образом из золы, в которой всегда обнаруживаются расколотые кости животных, большей частью домашних, а также характерные осколки от растрескавшихся на огне валунов. Слой этот редко удерживается на площадке, а большею частью сползает на скаты. В нем также бывает всегда немало черепков от посуды с характерным сетчатым (тканевым) орнаментом и всегда же какие-нибудь медные, железные, костяные или глиняные вещицы. Вещи эти двух разных культур, развитых в средней России в данное время, именно: литовской (западной) и окской (восточной). Обе культуры богаты и интересны и имеют широкое распростра-

нение, соприкасаясь друг с другом на некоторой линии, которую еще не удастся точно определить, тем более что население почерпало поделки и из того, и из другого источника одновременно. Волга, видимо, пользуется окскою культурою, а Псков, Новгород (кажется, до середины Мсты), Днепр и верховья Оки (т.е. окраины финского мира) литовскою, отдельные вещи которой впрочем доходят и до Саратова. На городищах предметы попадают уже в попорченном виде, часто от действия огня, но в Мощинском городище Калужской губернии под валом найден был целый клад великолепных медных вещей, покрытых разноцветною эмалью. Нередко городища располагаются группами в расстоянии нескольких верст друг от друга, занимая сплошь все соседние мысы.

Тверской край один из самых богатых городищами Дьякова типа, здесь их десятки. Исследованию из них подвергались весьма многие (Топорок у с. Сухарина, Юрьевское Старицкого уезда, начато богатое городище у г. Корчевы близ д. Городища), раскопаны уже опавшие ценные городища у с. Прислона Калязинского уезда и Пекунова Кашинского уезда, и на них собраны весьма ценные коллекции, украшающие Тверской музей. Особенно интересные результаты дало исследование Гендуне Сухаринского городка, далеко еще не конченное. Из медных вещей наиболее часты поделки из спаянной проволоки, шумящие подвески, фибулы (застежки) лопастые и круглые, различные бляшки, из железа — плоские стрелы с длинными жалами, четырехгранные шилья и горбатые ножи; нередко поделки из кости в виде стрелок, шильев и вилок; очень часты и характерны фигурные глиняные пряслицы. В Бежецком уезде городищ Дьякова типа пока еще не обнаружено, но, без сомнения, они здесь окажутся, как они уже оказались и на Бежецкой возвышенности, и на Мсте. Сетчатые черепки Дьякова типа уже найдены в насыпях курганов в п. Бежицах и вблизи на острове при устье Мологи, вместе с черепками каменного века. Кандидатами в городища Дьякова типа являются: городок у с. Орлов-Городок, расположенный на небольшом отдельном возвышении, два рыббинских, тоже на отдельных возвышениях, может быть, городище у д. Старое Фетюково, имеющее в длину 23 сажени, а на Медведице два городища у д. Городок и д. Лебзунова у с. Волоскова, устройство которых остается неизвестным (8). Ниже по Медведице имеются и иные городища, может быть, того же типа (9).

Погребений с посудой типа дьяковых городищ как в губернии, так и во всем районе их распространения пока не найдено. Может быть, их и не было. Кладов вещей или отдельных ценных находок этого времени до сих пор в Бежецком крае не было найдено, а кое-где в иных местах губернии они уже выступили (преимущественно серебряные шейные гривны). Неизвестно, откуда происходят вещицы Тверского музея, отмеченные ст. Максатихой: значительная каменная буса и 3 старые черепка с орнаментами, отчасти, кажется, сетчатым, отчасти зубчатыми штампами и другими. Очень следовало бы разузнать, откуда происходят эти редкие вещицы; не с рыбинских ли они городищ?

В Ильменском районе (Волхов, Шелонь, Мста) известны весьма интересные курганы, низкие, широкие, с плоскими поверхностями. Видимо, они связаны с подобными прибалтийскими курганами 6–8 веков; по крайней мере, найденные в них вещи принадлежат литовской культуре этого времени. Самый поздний такой курган известен с р. Свири, может быть, 9 века. Поблизости Бежецкого края к Ильменскому району здесь возможно встретить этого рода курганы, как они уже обнаружены по р. Тверце.

Точно так же возможно обнаружение в крае непонятных маленьких курганов со следами сожжения, вышиною не более 1/2 аршина и шириною 4–6 аршина, встреченных в ограниченном количестве, но на широком пространстве в Новгородском районе (Луга – верховья Мсты – д. Дедовец Череповецкого уезда). Эти курганы еще не вызывали специального внимания и исследования, так как обнаруживаются лишь случайно и в небольшом количестве; их трудно заметить (сохранились только в лесах).

Возможно обнаружение в Бежецком крае, по крайней мере в западной стороне его, характерных и длинных курганов, отчетливо выступающих уже по реке Мсте. Длина их – от нескольких сажен до десятков сажен. В основании насыпей залегает зольный слой, или же по нему идут остатки кострищ. На этих кострищах, или совершенно независимо от них, на разных высотах насыпи, помещаются грудки пережженных костей, иногда (очень редко) с обломками каких-нибудь пережженных вещиц. Культура – та же Литовская 6–8 в. и, кажется, несколько более поздняя. Общий район распространения: Гдов – р. Великая – верховья Зап. Двины и Днепра – р. Мста – Волхов – Луга; основная ось идет от Смоленска на Новгород. Это

район финских племен, одного или двух; трудно допустить, чтобы это были древности русские или литовские. В Тверской губернии удлиненные курганы, кажется, еще не встречены, хотя есть некоторый намек на существование их по Тверце. На Мсте у д. Логовниц (близ Березовского Рядка) раскопан курган длиной 40 аршин (10).

Никаких иных финских древностей в Тверском и Бежецком краях не обнаружилось. Ожидалось бы появление где-нибудь на Бежецкой возвышенности курганов Тихвинского типа, предполагаемых древностей веся, весьма характерных (11), но нигде они не выступали. Две-три железные сковородки, типа попадающихся в этих курганах, найдены в Тверской губернии, но это скандинавские изделия 10 в.; фигурный наигольник 13 в. типа тех же курганов, найденный на Тверце, мог попасть сюда и с Волги.

Норманнские и русские древности

Далее в крае выступают памятники древности, связанные с норманнами. Это сопки-курганы высотой 1,5–3 сажени и более, прочные, крупные, расположенные в одиночку и группами по нескольку, главным образом по путям сообщения. Известны только в Новгородском и Тверском краях, если не считать немногие сопки смоленские, черниговские и киевские. Основание иногда выложено крупными валунами или известняковыми плитами. В некоторых насыпях найдены кладки валунов в виде площадок, может быть служившие для укрепления. Остатки скелета, в виде сожженных костей, помещаются в глиняном сосуде или без него близ верху насыпи или же на поверхности материка, изредка посредине высоты. Вещей совершенно нет; из многих раскопанных сопек, только в одной (на Волхове) найдены были вещицы (бляшки камских типов 9 в.). В Тверском крае сопек, к удивлению, немало. Наибольшее количество их падает здесь на вышневолоцкие озера и продолжается к северу в направлении ближайших новгородских озер. К этому общему району примыкает и Бежецкий, где сопки расположены как на западной половине, так и на краю Бежецкого острова: по Мологе, начиная с верховьев, близ с. Дрюцково, Любодиц, пог. Бежиц, пог. Узменя, с. Рыбинского, по Могоче у д. Шалаева, Рашина, Гостирачки,

д. Борис-Глеб, на Мелече у Мал. Мотолошки и пог. Белого. Наибольшее количество сопок имеется у Бежиц (11 в двух группах) и в Узмени (9 сопок), в остальных местностях лишь 1–2 насыпи. Величина от 6 аршин и будто бы до 5 и 6 саженой. Сверх перечисленных местностей есть и иные сопкообразные возвышения, вероятно, ледникового образования, но только на месте можно определить, не принадлежат ли некоторые из них человеку (12). В Вышневолоцком уезде таких возвышений значительно более.

В насыпях сопок попадаются впускные погребения более позднего времени, например, скелеты с вещами 11 века. Еще чаще они служат как бы складом для большого количества сваленных здесь в яму трупов после сражения, повальных болезней, случайных несчастий. Весьма любопытно, что у подножья некоторых сопок располагаются могильники 11–12 веков, иногда значительные, причем отдельные погребения поднимаются и на самую насыпь. Таков, например, известный Федовский могильник на Мсте, давший массу вещей (Тверской музей).

Из Бежецких сопок три были раскопаны еще Ходаковским. В первой и второй из них попадалась зола, перегоревшие кости человека и угли, в третьей (меньшей величины?) открылось кострище из дубовых углей, на котором помещались остатки сожженного трупа, лежавшего в направлении с З. на В.; сбоку стоял горшочек, снизу шел слой красного пережженного песка, показывающий, что сожжение произошло на месте. Несколько сопок у самого погоста раскопано было одним помещиком в древнее время, но при этом не было найдено ничего. Кто желает найти в курганах вещи, тот сопку раскапывать не будет, если не открыто на них следов более поздних, впускных погребений. По словам Глинки, сопки, находящиеся в Бежецком уезде близ р. Медведицы, в основании иногда обложены в 2–3 ряда разноцветными плитами, сплоченными притескою и клиньями; в одной из таких сопок найдено много угля. Подле курганов имеются какие-то колодцы или ямы, из которых одна оказалась обложенною аршина на 2 камнем; в ней не найдено дна даже на глубине 7 аршин; на третьем аршине с одной стороны найдено много угля, а с другой нож, воткнутый в стену (13). Необходимо иметь в виду, что в 8–9 веках норманны погребались столько же в курганах, сколько и в ямах, так что подобные находки возбуждают очень серьезное внимание. До сих

пор норманнских погребальных ям в России еще не определено и разыскания их исследователями еще не предпринимались.

Сопки иногда обложены вокруг широким кольцом насыпей меньшей величины, но всё же сравнительно высоких, до сажени высотой: такая группа производит впечатление патриарха и его потомства. Раскопка этих курганов в п. Бежицах обнаружила там трупосожжения с хорошими вещами норманнских типов 10 века, именно с поясными бляшками, покрытыми скандинавским плетеным орнаментом. Такие насыпи должны обнаружиться при сопках и в других местностях края.

Кажется, именно к этому времени (10 век, а может быть, 9 век) можно отнести особую посуду некоторых тверских и бежецких курганов: умеренной, а иногда очень значительной величины горшки в виде вазы со слабо выраженной шейкой, из глины с густою примесью дресвы, так что поверхность их становится очень шероховатою; такая посуда встречена не только в старых новгородских курганах, но также в смоленских и ярославских. Трудно сказать, местная это посуда или норманнская; если местная, то русская или финская. Один такой горшок, очень значительных размеров, имеется в Тверском музее из Млёвской сопки. В коллекции Музея Академии наук из раскопок Ушакова сохранены черепки такой же посуды и при них очень любопытные старые бусы, продолговатые, цилиндрической формы, большие. В некоторых новгородских курганах с такою посудою найдены были сплавившиеся старые бусы сапфирного цвета и крупные медные спирали; близ д. Городища Весьегонского уезда в курганах найдены такие же спирали, сплавленные бусы, железная оправка с ушком, железная пряжка. Без сомнения, такие вещи будут найдены и в старейших курганах Бежецкого края, с остатками трупосожжений (9–10 в.). Очень интересен и необычен общий сортимент находок в этих курганах, еще мало изученный по недостаточности материала.

От 11–12 веков в Тверской губернии сохраняется огромное количество курганов, составляющих драгоценнейший материал для местной и общерусской истории. Они встречаются одиночно, группами и большими полями до многих сотен насыпей, всюду, где географические условия благоприятны для земледельческого быта.

По верхнему течению Волги выступают курганы типа Смоленских кривичей. Их характерные черты: большие височные кольца

с завязанными концами, ажурные круглые подвески к ожерелью, крупные гранчатые сердоликовые и золоченые бусы, в небольшом количестве медные бубенчики, деревянные ведерки с железной оковкой; в общем, вещей в этих курганах попадается умеренное количество, что также составляет их видную особенность. В довольно чистом виде курганы этого типа 11–12 веков выступают в Ржевском и Зубцовском уездах, а также в Старицком, Тверском и даже Корчевском. Но далее, в 12–13 веках, они перерабатываются в местный Тверской тип: височные кольца становятся меньше и завязывается в них лишь один конец, появляются нагрудные цепочки с амулетами и с Волги финские и суздальские вещи; в общем сортимент находок значительно умножается, но не в сторону изящества, — чувствуется некоторый прилив финских вкусов. В этом отношении тверские курганы имеют сходство с костромскими, где финский элемент еще сильнее.

В Осташковский уезд, на озера и реки, выступает решительным порывом культура кривичей полоцких. Она собственно та же, что культура смоленских кривичей, но усваивает, кроме того, немало форм от соседней Литвы: головные венчики из спиралек, серебряные филигранные и зерновые подвески к ожерелью и крупные серебряные бусы (эти, впрочем, не от Литвы, а из Западной Европы), витые шейные гривны, нагрудные пряжки разных форм, браслеты со звериными головками, перстни пластинчатые с усиками, кажется, нагрудные цепочки. Эта культура далее, в 12–13 в., перерабатывается в местные, новгородские формы, которые и наблюдаются в курганах всего северо-западного района, в Новоторжском, Вышневолоцком, Бежецком и Весьегонском уездах. Ее характерные особенности: височные кольца средней величины с заходящими друг на друга концами, нагрудные цепочки с амулетами (зубы животных, ложечки, ковшечки, косточки сливы, подвески в виде собачек и коньков). Круглые подвески к ожерелью, ажурные и штампованные, кресты, группы бубенчиков: из витебских вещей сохраняются витые шейные гривны, бусы. По соседству с Бежецким краем такие курганы в наибольшем количестве выступают на вышневолоцких озерах и севернее, в Весьегонском уезде; в Бежецком уезде они не так обильны, но все-таки уже известны в немалом количестве. Близ д. Прудово их в прежнее время было столько, что «негде было ни пахать, ни косить»; близ с. Дрюцко-

ва, д. Васильки, д. Курганы, д. Каменка, д. Святова их известны десятки, немало их было у пог. Бежицы. Всё же в уезде пока приведено в известность не свыше 500 насыпей; это немного, и надо Бежецкие курганы весьма поберегать. Иные местности с курганами: с. Спас-Талицы, Любодицы, Борис-Глеб, Малая Мотолошка, с. Дымцево, Мокщицы, с. Рыбинское, Узмень, Кидомля, с. Воротилово, д. Баскаки, — всего в уезде 19 местностей с курганами. Более значительные группы курганов падают на южную часть уезда, на район р. Медведицы (14).

Наибольшие раскопки проведены были в большой курганной группе у пог. Бежицы, в которой уже не осталось ни одной нетронутой насыпи, кроме, может быть, некоторых сопок. Курганов 11–12 веков было здесь несколько десятков, расположенных в 3 группах. В них раскопали: Европеус в 1871 году 10 насыпей, Аспелин в 1872 году 6 насыпей, Археологический институт в 1880 году 8 насыпей (и одну большую), Репников в 1902 году 9 насыпей и Спицын в 1920 году раскопал несколько уже исследованных насыпей, для показательных целей. Некоторые из курганов заключали остатки трупосожжений (10 век), остальные содержали костяки с вещами, лежащие на запад, вероятно, на материке, а некоторые, может быть, и в ямах. Было немало впускных погребений этого времени; в каждом кургане Аспелина обнаружено по 2–5 скелетов, а в большом кургане, раскопанном Институтом, найдено целое кладбище из двенадцати костяков. Вещи: височные кольца, кажется среднего и малого размера, с заходящими друг на друга концами (новгородского типа), бусы, серьги, цепочки с привесками, германская монета 11 века, бубенчики, пряжки, браслеты, перстни, стрелы, копья, ножи, горшечки. Черепа были, главным образом, длинноголовые. Затем значительные раскопки произведены были в большой курганной группе близ п. Михайловского (Прудово). В этой местности собственно восемь курганных групп: у погоста, в Бабушкином лесу на церковной земле, у д. Новой, на Новском выгоне, при д. Баскаках, две за р. Каменкою на пустоши Кидомле.

Кажется, что курганы этой местности обложены в основании крупными валунами.

Здесь в 1875 г. и 1880 г. священником Гроздовым раскопаны были насыпи: 10 в Бабушкином лесу (погребения в грунтовых ямах, почти без вещей), 6–7 в пуст. Кидомле на Медведице, причем найдены

были две шумящие чудские подвески в виде птичек с привесками-лапками, бусы. В 1892 г. близ Михайловского произвел раскопки Ахлестышев, в 1894 г. Казначеев, причем кроме других вещей были найдены: серебряные бусы с зернью, серебряная пряжка, височные кольца с заходящими друг на друга концами, чудская пронизка в виде трубочки с горошинами, витой браслет с завязанными концами Витебского типа. В Тверском музее имеются вещи еще из курганов близ с. Узмени (сложная цепочка с привесками) и из д. Васильки (еще более пышная цепочка, между прочим, с крестиком). Репников в 1902 г. раскопал 9 курганов близ погоста Бежицы (находки были незначительны) и 4 кургана у д. Сулецкий Борок, с тем же результатом; по-видимому, курганы были уже перекопаны, как и 13 курганов, раскопанных, кажется, Европеусом. Все насыпи были небольших размеров, от 1 до 2 аршин. Мальковский в кургане, раскопанном в 1902 г. у с. Рыбинского, при женском костяке нашел сердоликовые бусы, круглую подвеску к ожерелью, горшок (15).

Русская старина

В Новгородской области курганы переродились в каменные могилы: камни в основании насыпи умножились и повысились, а самые насыпи опали, погребения стали помещаться всегда в ямах. В начале (XIII и XII в.) сохранялась еще круглая форма валунных ограждений, а после она перешла в овальную, далее в четырехугольник, далее валуны стали заменяться колотыми камнями и плитами, так что образовались каменные ящики, которые стали прикрываться также плитами. Последнее время этих, так называемых жальничных, погребений еще не определено. При раскопках таких погребений вещей не находят, и они интересны лишь антропологическим материалом. Жальников известно очень большое количество по всей Новгородской области, ближайшие к Бежецкому уезду — вышневолоцкие. Уже отмечены они и в Бежецком краю, но пока в очень ограниченном количестве. Ходаковский копал жальник где-то в 3 верстах от погоста Бежицы. В 1880 г. одну жальничную могилу раскопал Гроздов близ погоста Михайловского. Она помещалась в одной группе с курганами, из вещей были найдены: желтые бусы, 2 подвески к ожерелью, горшок. Видимо, это было старое погребение; диаметр ограждения имел $4\frac{1}{2}$

аршина длины. Репников раскопал жальничное погребение близ с. Лошицы Весъегонского уезда, это была большая могила из больших камней, в форме четырехугольника. На большое количество жальников в Бежецком крае, кажется, нельзя рассчитывать. Может быть, некоторые старые «могилища», отмеченные в Бежецком крае, окажутся жальниками (Георгиевское, погост Белый, д. Кулачиха, Воздвиженка, Новинка, с. Моркины Горы, д. Александрово, Рождество, Холм). Близ д. Бодачево у Весъегонска в 1913 г. вскрыт был могильник из 20 погребений, помещавшихся на отдельном длинном возвышении, высотой 5 аршин; подобный курганообразный могильник открыт еще у с. Перемута. Находки: 2 креста (любопытно, что так мало), висячие украшения, были 2 колоды. Такие могильники естественны и для Бежецкого края.

Старые города края (XII века): Бежецк, Рыбинское, Узмень, Иеск. Бежецк теперь на третьем месте: вначале, может быть до татар, он стоял у погоста Бежиц, после перенесен к д. Городище на реке Остречине и наконец осел на современном месте. В Бежицах есть городище, но бедное культурным слоем, неудобно расположенное и непроизводящее впечатления старого. Вал его невысок (очень опухан), ров запахан. Черепков старой посуды здесь мы не нашли; по слухам, здесь найдена была свинцовая печать с монограммой «Христос», но вместе с тем тут же отмечается находка подъячей медной чернильницы не старше XVII в. Норманнского города или поселения близ Бежиц не чувствуется. Самая старая находка здесь византийская монета. Есть городище и близ с. Рыбинского, овальной формы, с валом, отдельное от двух других городищ, которые могут оказаться городками Дьякова типа.

Находки кладов и отдельных вещей в Бежецком уезде скудны до чрезвычайности. Близ д. Васильки найдено было до 500 железных дротиков, приблизительно XI в., и это самая замечательная из находок. Там же найден серебряный браслет с камнями, может быть, татарской поры, шиферная пряслица в пуст. Кидомле на Медведице, серьга XVII в. близ д. Каменки. Неизвестно даже кладов медных монет, например арабских, отдельно или в кладах, что было бы очень естественно, если допустить, что край был очень хорошо известен норманнам. Арабские диргемы VIII и IX в. найдены были только на городище с. Загородья Вышневолоцкого уезда (11 экз.). Это городище весьма любопытно. Самое

главное то, что оно расположено при излучении Мологи, круто меняющей здесь свое западное течение на северное: сюда как раз выходит кратчайшая дорога с р. Мсты. Городище расположено у самой церкви. Кроме арабских монет, вероятно, здесь же найдена была финская плетеная шумящая подвеска XI в., бусы, пластинчатый перстень Витебского типа того же времени, железное копье, какая-то медная бляшка и ряд сравнительно новых вещей, в виде креста, железного ключа, железной цепи и прочее. Не есть ли это искомые остатки норманнского города? По местному преданию, Бежецк вышел к озеру отсюда.

Очень известна каменная большая плита с надписью имени Степана и изображением трех четырехугольников, один в другом, найденная в 1835 г. близ сел. Кузнецова у погоста Михайловского и находящаяся теперь в Тверском музее. Скорее всего, это межевой знак, и изображение квадратов дает понятие полного владения (16).

Наконец, в Бежецком крае, всегда обособленном, всегда глухом, сохраняются бесконечные запасы живой старины в жилищах, всяких сооружениях, одежде, пище, промыслах, обрядах, песнях, пословицах, языке. Изучение этого богатейшего материала, можно сказать, и не начато. Но оно по разным причинам и основаниям на очереди. Нельзя от него отвертываться и им пренебрегать. Ведь это старина XVI—XVII в. и более глубокая, старина, стремительно исчезающая. В Бежецком крае есть какая-то загадка. Чем объяснить особое внимание к нему Новгородского веча, обилие здесь норманнских сопок, ярко бросающиеся стороннему зрителю в глаза и еще более чувствуемые особенности населения? Нельзя успокоиться, пока не сыскан будет ответ на этот общий вопрос. Почему в этом крае так много могильников Фатьяновского типа?

Примечания

1. Разрезающие Бежецкий остров небольшие речки текут с возвышенности веерообразно во все стороны, впадая в Мологу, а отчасти в Волгу и Медведицу. Значительная часть водораздела идет по Бежецкому уезду и только на севере он отходит от его границы.

2. Кимрский музей.

3. Скребки составляют характерные, обильные и своеобразные поделки каменного (и медного) века. Они имеют форму большого ногтя и при употреблении забираются в щепоть (причем большой палец накладывается на гладкую поверхность пластинки, а два следующих прочно захватывают тыловую часть поделки). Скребки употреблялись для очистки рыбы от чешуи и кожи от шерсти. Ножи имели форму овальную или прямолинейную. Назначение изделий из кремня определяется с помощью многократного поворачивания и захватывания их пальцами и рукою, причем нередко даже поделки неопределенного и, казалось бы, случайного вида оказываются весьма целесообразными и остроумными приспособлениями. Посуда готовилась из глиняной ленты, спайку краев которой и можно наблюдать на черепках каменного века.

4. Для ознакомления с местным каменным веком смотрите следующие работы: *Спицын А.* «Бологовская стоянка каменного века». Зап. Русск. Отд. Р. А. О. V. В. 1, 239–277. *Спицын и Каменский.* «Стоянка каменного века близ Балахно». Там же, т. VII в. 1, 1–72. *Иверсен.* «Новые вещи Волосовской стоянки». Там же, т. V. В. 1, 235–238. *Гр. Уваров.* «Каменный период». 1881 г. *Иностранцев.* «Доисторический человек». 1882 г. По костяному веку лучший материал пока у So Ibergа (1901 г., о Kjelm, находящемся в Норвегии на мурманском берегу) и у Иностранцева.

5. Такова особенно счастливая находка двух интересных погребений на Ликачевском городище Зубцовского уезда у *Н.Е. Макаренко.*

6. Карта Плетнева, стр. 407, 427. — *Городцов.* К. Б. Э., стр. 15.

7. Литература Фатъяновской культуры: *Спицын А.* «Медный век в верхнем Поволжье». Зап. Русск. Отд. Р. А. О. т. V в. 1, стр. 77–93. Его же. «Новые сведения о медном веке в средней и северной России». Там же. Т. VII, в. 1, 73–82. *Уваров.* «Каменный период». т. I, стр. 396–419; II таб. 26–30.

8. Карта Плетнева. Стр. 426, 431, 436, 452, 470.

9. Литература по Дьяковым городищам: *Спицын А.* «Городища Дьякова типа». Зап. Русск. Отд. Р. А. О., т. V. в. 1, стр. 111–142. Его же. «Новые сведения». Там же, т. VII, в. 1, стр. 83–93. *Гендуне Ю.* «Городище Топорок». Труды Тверск. Арх. Съезда 1906 г., стр. 261–275.

10. *Спицын А.* «Удлиненные и длинные курганы». Зап. Русск.

Отд. Р.А.О. т. V. В. 1, стр. 196–209. *Тищенко А.* «Отчет о раскопках». Изв. Археолог. Ком. В. 53, стр. 15.

11. *Бранденбург Н.* «Курганы южного Приладожья». СПб. 1895 г.

12. Первый признак сопки тот, что они бывают сложены не из сыпучего песку, а из дерна. Естественные возвышения сложены из более плотной земли с гравием и валунами; в них естественно более или менее горизонтальные отдельные прослойки, от ледникового наноса. Ледниковые возвышения вообще бывают значительны и высоки, и это их существенный признак. — Сведения о бежецких сопках собраны полностью в карте Плетнева.

13. Может быть, это и не нож (находится в Тверском музее). Зап. Русск. Археолог. Общ. т. IX в. В. 1, стр. 280 (Описание Тверской Губ. в Археологическом отношении). Раскопки 1830-х годов.

14. Сведения собраны в карте Плетнева.

15. Отчет о раскопках Репникова в Изв. Археолог. Комис., в. 6, стр. 12. *Мальковский В.* «О раскопке кургана». Труды Тверск. Археолог. Съезда, стр. 73–86.

16. Камень изображен в описании Тверского музея (стр. 12) и в Зап. Русск. Отд. Р.А.О. т. V. в. 1, стр. 229. Подобный известен из Изборска (Псковской губ.).

И.Н. Постников

Бежецкий Верх

Историко-географический очерк

На существование особой области, тянувшей к Бежецку как к своему административному центру и носившей его имя, первые указания находим в двух старых документах: в уставе Ярослава о мощении Новгорода первой половины 11 века и Святославовом уставе 1137 года о епископской дани; в первом отмечена Бежецкая сотня, во втором – Бежецкий ряд.

К определению границ этой области документальных данных не сохранилось, но известно, что в древности деление земель происходило «по рубежам старым», с сохранением, по возможности, границ еще более древних, т.е. племенных.

Бежецк возник за естественной границей новгородских владений как колония в земле какого-то чуждого Новгороду племени. Была ли то югра, как думал Европеус, весь ли, как предполагали Покровский и Аспелин, или меря, утверждают Уваров и профессор Богданов, во всяком случае, племя это, живя здесь сравнительно долго, занимало определенную территорию. По профессору Богданову, оно заселяло северную часть нынешней Тверской губернии. Границы владений этого племени граф Уваров прово-

дит между Зубцовом и Ржевом, между Тверью и Торжком, между Кашином и Бежецком. Возможно, что эта именно территория, по мере вытеснения отсюда инородческого племени или ослабления его со стороны Новгорода Великого, и составила ту область, которая потянула к Бежецку, как обычно тогда округа тянула к селению, с которого началась колонизация края.

При распределении Руси между сыновьями Ярослава эта колония осталась за Новгородом и вместе со смежной полосой исконной Новгородской земли, вставшей при образовании Бежецка в непосредственную связь с ним по экономическим условиям быта, составила одну из тех обширных пятин, на которые делилось всё громадное пространство новгородских владений. Правда, учреждение пятин относят к позднему времени и приписывают Иоанну III. Но принято полагать, что при этом учреждении имелось в виду уже ранее существовавшее разделение Новгородской земли на части. В отношении Бежецкой пятины это тем вероятнее, что ко времени учреждения пятин Иоанном III сам г. Бежецк отошел уже к Москве, и однако же пятине усвоено название Бежецкой. Очевидно, Бежецкая пятина — это что-то исстари сорганизовавшееся около Бежецка, о чем и у правительства, и в народе веками установилось настолько определенное представление, что отнять старое имя представлялось невозможным.

На западе Бежецкая область была смежною с Деревскою землею, на севере с Обонежскою, на востоке с землями Белозерскими и Тверскими и к югу — с Тверскою же землей. Она занимала площадь около 40000 кв. верст и делилась на две половины: Белозерскую и Тверскую, — соответственно городам, к которым они были обращены. В отношении деления Новгородской земли на уезды Бежецкая волость входила в Новгородский уезд.

В одном дошедшем до нас старом новгородском докумен-

те, договорной грамоте новгородцев с великим князем Ярославом Ярославичем Тверским 1265 года, мы встречаем между прочим такие любопытные условия относительно Бежецка и бежечан: «**А в Бежичах, князь, ни тебе, ни княгине, ни боярам, ни дворянам твоим сел не иметь, не покупать и не принимать в дар. Димитрий и Новгородцы дали Бежечанам и Обонежцам на три года право судитъся собственным их судом; не нарушай сего временного устава и не посылай к ним судей. А из Бежич не выводи народа в свою землю. Княгиня, бояре и дворяне твои не должны брать людей в залог по долгам, ни купцов, ни земледельцев. Отведем сенные покосы для тебя и бояр твоих, но не требуй отнятых у нас князем Александром. Так бывало, князь, при отцах и дедах твоих и наших**».

Так бывало при отцах и дедах. Так было исстари: Новгород исстари особенно дорожил своею бежецкой колонией. Причина — в тех ее особенностях и условиях, которые влекли сюда человека еще в доисторическую эпоху, насколько можно судить по сохранившимся следам стоянок каменного века. Край богат озерами и реками, покрыт был непроходимым лесом и всегда отличался тем плодородием почвы, которое в наше время создало ему характерное название «второй Украйны». Масса рыбы и пушного зверя, обилие дичи, роскошные сенные покосы и особенно богатство хлебом, в котором Новгород так всегда нуждался, делали бежецкую колонию новгородской житницей. Но это же самое обратило на нее завистливое внимание и соседних княжеств. При всяком почти раздоре у Новгорода с Тверью и Москвой, что бывало часто, враг прежде всего старался занять своими войсками «волости Бежецкие», или Бежецкий Верх, как стал называться край в последней четверти 13 века, со времени перенесения областного города от разоренных Бежич вверх по Мологе к крепости Городецко. В мирное время соседние князья делали попытки к мирному завоеванию колонии. Из приведенной грамоты новгородцев мы видим, что князья пытаются обзавестись здесь селами и людьми на себя, на княгиню, на бояр и на дворян своих и насадить здесь свое влияние через правительственных агентов, через посылку сюда своих судей. Новгород упорно боролся с этим. Он добился для бежечан права собственного суда и твердо говорил великому князю: не нарушай сего временного устава и не посылай к ним судей. Попытки оторвать от Новгорода тем или иным путем его

выгодную колонию тянулись веками. Бежецкий Верх несколько раз переходил от Новгорода к соседним князьям и обратно, пока Иван Данилович Калита не сумел наконец сделать его смесным владением Новгорода с Москвой, посадив в нем наряду с новгородским тиуном своего московского. Миссией последнего, по всем вероятностям, было именно окончательное, бесповоротное подведение Бежецкого Верха под державную руку великого князя Московского. И мы видим, что московская власть с годами здесь крепнет. Внук Калиты Димитрий Донской борется из-за Бежецкого Верха с Тверью. Мало того, когда у этого князя происходит война с новгородцами, бежецкие рати идут за Димитрием против своего же господина — Великого Новгорода. Сын Донского Василий Димитриевич то правит Бежецким Верхом и имеет в нем своего наместника, то разоряет его и отдает новгородцам, то снова берет себе. Под 1393 годом Новгородская летопись отмечает: **«И се князь великий на крестном целовании ꙗже Новгорода отнял Волок Ламский, Торжок, Вологду и Бежецкий Верх»**. Новгородцы перечили: **«Когда великий князь изменою и насиліем берет достояние святые Софии и Великого Новгорода, мы готовы ꙗже умереть за правду и за нашего господина, за Великий Новгород»**. Двинув свои войска в великокняжескую область, они заставили Василия вернуть отнятые владения. Но Бежецкий Верх в конце концов всё же остался за ним. Из договорных грамот этого князя мы видим, между прочим, что некоторые владения в Бежецком Верху Василий Димитриевич отдает своему брату Константину и после смерти последнего оставляет их за собой. Преемники Василия распоряжаются Бежецким Верхом уже вполне самовластно: назначают его в удел разным князьям и вносят его, как бесспорное свое достояние, в свои духовные завещания. Иван Грозный берет его в опричнину. Федор Иванович отдает Бежецкий Верх в удел младшему своему брату — царевичу Угличскому Димитрию.

Так произошло распадение старой Бежецкой области. Исконная Новгородская земля осталась в части ее, продолжавшей носить название Бежецкой пятины. Для отличия ее от Бежецкого Верха к этому названию стали лишь прибавлять имя уезда, и общее наименование ее получилось такое: «Новгородский уезд, Бежецкая пятина». За оторванной от Новгорода колонией сохранилось имя Бежецкого Верха. Под этим же именем мы встречаем

его во всех допетровских писцовых книгах. С этим же именем она вошла в 1708 году, при петровском разделении России на губернии, в состав Ингерманландской губернии, переименованной потом, через два года, в Петербургскую; в 1719 году приписана к Угличской провинции и в 1727 году перечислена вместе с этой Угличской провинцией из Петербургской губернии в Московскую. Исчезает имя Бежецкого Верха при Екатерине II; Бежецкий Верх обращается в Бежецкий уезд, а его областной город из «Городецка в Бежецком Верху» в уездный город Бежецк.

С изданием екатерининского Учреждения о губерниях тянувшая к Бежецку округа теряет и свои прежние очертания. До этого времени строго сохранились старые границы, когда-то отдельные линии между соседними княжествами, главным образом реки, речки, ручьи и большие проезжие дороги с веками стоявшими здесь пограничными столбами, от которых соседние селения усвоили характерные названия: Столбище, Столбово, Столбовая, Столбиха и т.п. При Екатерине с этими старыми границами считались лишь до некоторой степени, и при новом образовании уездов положено было в основание преимущественно количество населения.

В одном из бежецких архивов уцелела окладная книга воеводской канцелярии 1773 года. В ней мы имеем полный перечень сел Бежецкого уезда, с разделением его на станы, обозначением владений и подсчетом населения. Как появившаяся до Учреждения о губерниях 1775 года, книга эта рисует нам Бежецкую область в том виде, в каком она существовала до екатерининской ломки. Она рисует прежний Бежецкий Верх и приблизительно старую колонию господина Великого Новгорода. На основании этой книги мы и попытаемся восстановить картину Бежецкого Верха, не претендуя, конечно, на ее особенную точность и заранее оговариваясь, что это — приблизительно картина, поскольку полны и подробны положенные в основание ее данные книги Бежецкой воеводской канцелярии.

Бежецкий Верх по своей площади был почти вдвое обширнее современного Бежецкого уезда. В него входила большая часть нынешнего Весьегонского уезда и значительная часть Кашинского. У Москвы Бежецкий Верх граничил с Новгородом. Граница шла по тому старому рубежу, по который когда-то оторвала Москва от Новгорода его колонию. Это старая граница, которую бежечане в случаях надобности «перелезали», как выражаются Новгород-

ские писцовые книги 16 века, «из Бежецкого Верху в Новгородский уезд в Бежецкую пятину» (1). Начинаясь приблизительно у села Пылёва, граница шла нынешним Весьегонским уездом на Сушигорицы, Пнево и Черемись, а затем по территории Бежецкого уезда к селу Курганам; от Курган почти прямой линией на погост Иоанна Милостивого, отсюда делала загиб к селу Дрюцкову; от последнего повертывала на погост Медвежьё Горю, от Медвежьей Горы к Замытью и от Замытья к Застолбью. У последнего села стоял пограничный столб, от которого оно и получило свое название. Пограничную линию с противоположной стороны, со стороны смежных владений Московской губернии, дают возможность восстановить характерные названия двух селений у конечных ее пунктов: на севере деревни Столбища, у села Черницкого Весьегонского уезда, и с юга — села Столбова Кашинского уезда. Начиная с округи села Телятина граница шла по большой дороге от Весьегонска к Угличу на село Хабоцкое, огибала затем Шаблыкино и Пруды и, выходя близ последнего села на Ярославский рубеж, шла этим рубежом до села Раменья при Рыбинском тракте, повертывала отсюда на Столбово и дальше совпадала с нынешней Бежецко-Кашинской границей до Старых Сеток. На юге эти боковые границы Бежецкого Верху замыкались рекой Медведицей и на севере большой дорогой из Устюжны в Весь Егонскую.

От владений главного города провинции, в состав которой одно время входил Бежецкий Верх, — города Углича его отделяли, по сообщению полковника Жеребцова от 2 октября 1764 года, река Корожнична, речка Кривая и ручей Кузьминский (2), а от другого уезда этой провинции, Кашинского, по донесению Воєводи Полибина 1761 года, село Столбово (3).

В означенных границах своих Бежецкий Верх делился на станы. Так в Новгороде называлась высшая единица, заключавшая в себе несколько погостов, на которые делилась Новгородская земля. Каждый стан поручался заведованию особого приказчика по назначению от правительства. В Бежецком Верху было одиннадцать станов и, сверх того числились не входившие в станы три волости и два приселья.

Из них всецело на территорию современного Бежецкого уезда падали три стана (Каменский, Пироговский и Ивановский), все три волости (Сулежская, Дорская и Лесоклинская) и оба приселья — Еськовское и Максимовское.

Два стана, Городецкий и Мещерский, состояли из смешанных селений Бежецкого и Кашинского уездов.

Один стан, Верховский, — из селений Бежецкого и Весъегонского уездов.

Четыре стана: Антоновский, Ессеницкий, Полянский и Лошицкий — относились всецело к нынешнему Весъегонскому уезду, а один стан, Березовский, — полностью к Кашинскому уезду.

Бежецк стоял в Городецком стану. И стан этот получил свое название именно от него, от его старого имени «Городецко в Бежецком Верху». Составляли его двадцать помещичьих сел и семь монастырских с окружными их погостами, сельцами и деревнями. Помещичьи села были следующие: Бережай, Кесова Гора, Богородское, Дрюцково, Байково, Болдеево, Бобово, Ушаково, Старые Сетки, Ляцкое, Константиново, Кононово, Новопрераженское, Шеломень, Введенское, Ивашково, Дуброва, Коровкино, Ширятино и Ульянова Гора. Монастырские: Тереботунь, Градницы, Алабузино, Михайлова Гора, Белая, Лозьево, Присеки. Три из этих сел: Кесова Гора, Бобово и Ширятино — отошли потом к Кашинскому уезду. Село Шеломень в 1790-х годах закрыто за упразднением церкви и выводом из него крестьян на другое место (4). Памятником его остаются каменный столбик с иконой и усадьба с постройками бывшей вотчины, доселе сохранившая свое татарское название Шеломени, близ Бежецкой железнодорожной станции. В 17 столетии здесь проживал именитый думный боярин Семен Иванович Заборовский, на родной племяннице которого женат был царь Феодор. От этого Заборовского сохранилась в Бежецке выстроенная им Введенская колокольня. Позднее вотчина перешла к князьям Довлет-Кильдеевым. В 1840-х годах было упразднено село Богородское, в двух верстах от Сабурова. Упразднено оно было за выводом из него крестьян вследствие перехода имения из владения дворянского в купеческое, от тетки графа Аракчеева Н.Н. Жеребцовой к бежецкому купцу Рогову (5). В 1770-х годах, за упразднением церкви, обращено село Ушаково, близ погоста Иоанна Милостивого. Поводом послужила неудачная попытка местного помещика князя Энгальчева прославить одну икону свою как явленную будто бы и чудотворную. Икона от него была отобраана, а только что построенный храм запечатан и затем нарушен (6). Около того же

времени обращено в деревню село Михайлова Гора, в двух верстах от погоста Бежиц, и также за упразднением церкви. Здесь храм нарушен вследствие отобрания села из владения Московского Новодевичьего монастыря в Государственную Коллегию Экономии (7). Когда было обращено в деревню село Кононово, близ Константинова, с точностью неизвестно. С некоторым вероятно можно догадываться, что произошло это после 1798 года, вслед за распадением местной богатой вотчины графа Орлова, одного из могущественных временщиков Екатерининского века (8). Все остальные села Городецкого стана сохранили как местоположение свое, так и свои названия.

Верховский стан, смежный к северу с Городецким и пограничный с Новгородской губернией, хранил свое название от того времени, когда область Городецко во всей совокупности своей называлась Бежецким Верхом. В состав его входили десять сел нынешнего Бежецкого уезда и десять Весьегонского. По Бежецкому уезду входили помещичьи села: Богородское, Курганы, Орлов Городок, Поречье, Новое Котово и Егорьевское – и монастырские: Чижово, Введенье, Молоково. По Весьегонскому: Тушитово, Деледино, Залужанье, Пруды, Михайлово, Пупцево, Воскресенское – Бесово тож, монастырское Сандово и дворцовые Волховицы и Ахматово. Все они сохранились до настоящего времени.

Каменский стан примыкал к Городецкому с юга, получил свое название от деревни Каменки, близ Прудова, служившей по видимому его административным центром, и заключал в себе семь помещичьих сел: Андреевское, Георгиевское–Иногостицы, Замытье, Киверичи, Ивановское, Заклинье и Восново; шесть монастырских сел: Теблеша, Намесково, Рамешки, Волосково, Ильгощи и Застолбье – и два дворцовых села: Медвежью Гору и Селищи. Последнее село носит в настоящее время название Диева. Остальные существуют без изменений.

Пироговский и Ивановский станы прилегали к Городецкому со стороны Кашина. Первый, ведя свое название от деревни Пирогово, близ села Беляниц, заключал в себе пять помещичьих сел: Хонеево, Зиновьево, Польцо, Беляницы и Толстикovo. Второй, неизвестно почему названный Ивановским, состоял из двух помещичьих сел: Синевой Дубровы и Глазова – и одного монастырского – Русского Кошева. Как по первому, так и по второму стану села сохранили и местоположение и названия свои доселе.

Мещерский и Березовский станы тянулись дальше к Каши-ну, за Пироговским станом. Первый, называвшийся по имени деревни Мещеры (в четырех верстах от села Бобова), охватывал одиннадцать сел нынешнего Кашинского уезда и три села Бежецкого. По Кашинскому уезду в него входили села: Григорково, Золотково, Задорье, Богоявленское, Поводнево, Воскресенское, Кузнецово, Раменье, Никольское, Шолтомеж и Беклемишево. По Бежецкому – Сабурово, Пузырево и Старое Гвоздино. Из них села Пузырево, Беклемишево и Старое Гвоздино числились монастырскими, а остальные помещичьими. Старое Гвоздино теперь – деревня того же наименования, в четырех верстах от п. Русского Кошева. Все остальные села Мещерского стана существуют без изменений. В состав Березовского стана входили три села нынешнего Кашинского уезда, два помещичьих – Боженки и Лаврово, и одно, Шаблыкино – монастырское.

Станы Антоновский, Ессеницкий, Полянский и Лошицкий входят теперь целиком в состав Весьегонского уезда, по старому Бежецкому Верху занимали его обширную северную часть.

Антоновский стан заключал в себе помещичье село Антоновское и монастырское – Хабоцкое.

Ессеницкий стан охватывал три монастырских села: Старо-Козмодемьянское, Федорково и Баскаки – и 16 помещичьих: Восное, Осинович, Пылево, Лошицы, Любегощи, Знаменское, Воскресенское, Шакмы, Арефино, Елкино, Чуриково, Телятино, Кесму, Чужиново, Пятницкое и Даниловское. Полянский стан заключал в себе семь помещичьих сел: Сушигорицы, Росторопово, Пнево, Дедково, Черемись, Чисти и Малинское. Лошицкий стан – село Семутино с округой, деревню Козлы и сельцо Староселье.

Сулежская и Дорская волости – помещичьи села Сулегу и Богородское.

Лесоклинская волость, названная так по одному из своих погостов, охватывала округу помещичьих сел Васюнина и Фешева.

Под именем Еського приселья разумелась округа села Еьски. Это одно из стариннейших сел Бежецкого Верха, упоминаемое в сохранившихся документах 12 века (9). В 16 столетии оно отдано было Иваном Грозным в поместье пленному сибирскому царевичу Маметкулу Этауловичу. Позднее, при Борисе Годунове, к этому Маметкулу, между прочим, отослано было на жительство

несколько жен и дочерей последнего сибирского царя Кучума, взятых в плен воеводою Воейковым при разгроме ханского стана на берегах реки Оби (10). В Смутное время оно перешло к татарину Инмегнею «за царя Васильево Московское осадное сиденье» (11), и от Инмегней к боярину Сулешову. В писцовых книгах Даниила Свечина в 135–137 годах находим следующую запись: «**В Верховском стану в поместьях написано: за боярином за князем Юрьем Яншеевичем Сулешовым в поместьи, что преж всего было в поместьи за сибирским царевичем Меткулом Атауловичем, село Еськи на реке Мологе, а в нем храм верховных апостол Петра и Павла; древян, клетцки, а в церкви образа, и книги и ризы мирских людей, а колокола боярина князя Юрья Яншеевича Сулешова поставленье**» (12). Сулешов — выходец из крымских татар, сидевший одно время на Новгородском воеводстве и умерший 8 марта 1643 года на службе в Разбойном приказе (13), завещал село Еськи Московскому Симонову монастырю (14). Приселье Еськое составляли окружные монастырские деревни (504 души м.п.) и 6 помещичьих селец с деревнями при них.

Имя Максимовского приселья носила округа села Воскресенского. Теперь это — деревня Воскресенское, в одной версте от погоста Троицкого, называвшаяся в старину Максимовским, по имени своего владельца Максима Шварца (15). В приселье входило 14 поместий с селом Воскресенским, с 9 сельцами и окружными деревнями.

Всего, таким образом, по окладной книге 1773 года, Бежецкий Верх заключал в себе 121 село. Кроме того, в нем числилось одно полусело Сетино — в Верховском стану, семь монастырских приселков: Княжево, Любодицы, Скорынево, Новый, Сукромны, Васильево и Ряпки, — две монастырские слободки: Макариева под Бежецком и Антониева под Красным Холмом, — 249 помещичьих селец, погосты и деревни.

Селец, этих дворянских гнезд с барскими хоромами и жильем большею частью только для дворовых людей, мы коснемся потом, в следующем очерке, при обзоре помещичьих владений.

Погостов как поселков, состоящих исключительно из храма и домов духовенства, не подлежащих окладу, не касается окладная книга. Но это самые старые, самые устойчивые селения Бежецкого Верха, в большинстве уцелевшие еще от времени деления Новгородской области на погосты как на известные административные округа. За

очень немногими исключениями они сохранились до нашего времени на прежних своих местах и с теми же самыми названиями, под какими они встречаются в древних актах и писцовых книгах 16 века. В одном документе бежецкого земского суда мы находим полный перечень их к началу 19 в. (16) по той части Бежецкого Верха, которая позднее составила Бежецкий уезд. Из 24 поименованных там погостов мы не досчитываемся теперь только двух.

Деревни поименовываются в окладной книге лишь в тех случаях, когда они являются центром того или иного отдельного владения. Таких деревень по Бежецкому Верху окладная книга насчитывает и называет 155. Остальные при подсчете населения она отмечает огулом, одной общей фразой: такое-то владельческое «село с деревнями».

Население Бежецкого Верха исчисляется в 71795 душ м.п. Из них 38016 душ при 91 селе и 249 сельцах с деревнями падает на помещичьи владения; 27151 душа при 26 селах, 7 приселках и двух слободках с деревнями – на владения монастырские; 6628 душ при четырех селах с деревнями падает на дворцовые волости.

Такова в общем картина Бежецкого Верха, как рисует ее Окладная книга Воеводской Канцелярии, – картина не 18 только столетия, века этой книги, но и веков более отдаленных. В сущности это воспроизведение того, что было уже зарисовано много раньше: в переписи Ивана Дмитриевича Кольчева 1646 года (17), Тютчева – 1677 года (18) и Данилы Свечина – 1627 г. (19), – воспроизведение настолько точное, что совпадают даже такие детали, как название небольших волостей и приселий, не говоря уже о станах, на которые делился Бежецкий Верх. Те же самые станы, а стало быть и те же самые общие границы – границы исконные, переходившие до Екатерины II из века в век.

Екатерининская перестройка России с прежним историческим делением земель мало считалась. В основу было положено главным образом количество населения, от 20000 до 30000 на уезд. Применительно к этому Бежецкий Верх, как исчислявший свое население в 72000 душ, подлежал урезке, и урезке очень значительной. При учреждении Тверского наместничества, в состав которого он вошел, от него отрезаны были для Кашина – для доведения населения его уезда до нормы – Березовский стан, Мещерский, кроме села Пузырева, оставшегося за Бежецком, и

часть Городецкого стана с округами сел Кесовой Горы, Бобова и Ширятина. Обширная часть Бежецкого Верха понадобилась для вновь образованных в ней городов Весьегонска и Красного Холма. В первый обращено было экономическое село Весьегонское, числившееся когда то за Московским Симоновым монастырем в составе Бежецкого Верха и незадолго перед тем отошедшее к Устюжне. В город Красный Холм было преобразовано другое экономическое село, Спас на Холму, в начале 16 века пожалованное Антониеву монастырю бежецким удельным князем Семеном Ивановичем. В полном Собрании законов Российской империи есть такой именной указ, данный сенату от 16 января 1776 года: «Пользы ради и для вящшей выгоды жителям учрежденного Тверского Наместничества село Весьегонское Устюжно — Железопольского уезда переименовать городом, на основании учрежденных в Новгородской губернии новых городов, и сей новый город соединить к Тверскому Наместничеству и приписать к оному из Устюжно — Железопольского уезда Колинопольского стана ведомства Коллегии Экономии Симоновской вотчины деревни по правому берегу реки Мологи, в конх 1437 душ, да из северной части Бежецкого уезда указанное число душ, для составления нового уезда Весьегонского, и потом разделить Бежецкий уезд на две части, оставив часть при городе Бежецке в 28336 душ и приписав к селу Красному Холму 25139 душ, именця и сие село городом на вышеписанном

основании» (20). По приведенному указу во вновь образованный Весьегонский уезд отошли от Бежецкого Верха Ессеницкий стан, Полянский, Лошицкий и половина Верховского с округами сел Тушитова, Деледина, Залужанья, Прудов, Михайлова, Пупцева, Воскресенского, Сандова, Волховиц и Ахматова. В другой вновь образованный уезд, Краснохолмский, из Бежецкого перечислены старые его волости: Дорская, Сулежская, Лесоклинская, кроме села Фешева, оставшегося за Бежецком, половина поделенного с Весьегонским уездом Верховского стана, два села с округами из Пироговского стана, Хонеево и Толстиково, и три села с двумя погостами из прирезанной перед тем новгородской земли.

За всеми этими переменами при Екатерининской ломке границ от старого Бежецкого Верха остались на долю вновь сформированной Бежецкой области лишь Каменский стан, Городецкий без трех сел, отошедших к Кашину, три села в Пироговском стану, часть Лесоклинской волости и два приселья. За нанесенные земельные потери Бежецку тогда же прирезана была смежная полоса новгородской земли – за старой границей из Бежецкого Верха в Новгородский уезд, Бежецкую пятину, с округами сел Максатихи, Сирки, Рыбинского, Селец, Дымцева, Заручья, Толмачей, Алексеевского, Залазина, Никольского–Тучева, Мохнецов и Микшина и с шестью погостами: Кострецким, Добрынским, Гостиницким, Трестенским, Михайловским и Воротиловским. Граница со стороны Весьегонска «поставлена была по данному боковому плану» Весьегонским уездным землемером Тюльневым (21). Какие межевщики обмежовывали уезд с других сторон и кто наносил на план границу со стороны Твери – этот единственный рубеж, не затронутый екатерининской реформой, неизвестно. Но межевщики эти несколько порадели Бежецку, пристегнув к нему из Кашинских владений прирубешное село Борисовское и из Тверских – село Кушалино, известное по жизни и кончине в нем «бывшего Казанского царя Семиона». Новый Бежецкий уезд, как он сформировался при Екатерине, вошел в состав Тверского наместничества. В отношении губернского города Твери он был расположен на северо-восток. С северо-востока к юго-западу Бежецкий уезд тянулся на 99 верст и с северо-запада к юго-востоку на 78 верст. Он занимал площадь в 448330 десятин, имел 55 сел, 16 погостов и 765 селец и деревень.

Население его исчислялось в 38192 души м.п. и 38615 женского; из них 12681 крестьянская душа м.п. и 12748 женского состояли за помещиками, 18847 мужского и 19223 женского числились экономическими и 5554 мужского и 5576 женского принадлежали к дворцовому ведомству (22).

В 1796 году Красный Холм обращен был из уездного города в заштатный. Уезд его приписан к Бежецкому. Это вернуло Бежецку все те села, которые 20 лет тому назад отошли от него к Красному Холму, и увеличило на 30000 его народонаселение. Число помещичьих сел в Бежецком уезде увеличилось до 48, казенных до 26 и погостов до 24 (23). Присоединение Краснохолмского уезда к Бежецку ввело последний в те границы, в которых застало Бежецкий уезд наше время.

Бежецкий уезд был разделен на станы в 1845 году большими Кашинской и Вышневолоцкой дорогами. Станов было только два, и специальных названий, как велось в старину, они уже не носили, различаясь по номерам: 1-й стан и 2-й стан. Существовавшее наряду со становым волостное деление сначала держалось лишь на

землях Дворцового ведомства; продолжали существовать те пять дворцовых волостей, названия которых встречаются в окладной книге 1773 года и частью в документах 17 века: Юркинская, Медвежьегорская, Прудовская, Ивицкая и Кошевская. На помещичьих землях как исключение, установившееся еще до 17 века, со времени пожалования этих дворцовых земель разным боярам в поместья

и вотчины, продолжали существовать Сулежская, Дорская и Лесоклинская волости. В конце 18 столетия, по обращению бывших монастырских владений в экономические, организовано 9 волостей «казенных», применительно к старому, монастырскому делению их на вотчины: Чижовская, Селищенская, Сукроменская, Почи-

новская, Михайлогорская, Пыльская, Михеевская, Волосковская и Вербжская (24). В остальных земельных владениях уезда, т.е. на бывших помещичьих землях, деление на волости введено было при отмене крепостного права. По проекту Редакционной Комиссии об организации вышедших из крепостной зависимости крестьян в сельские общества, волость должна была состоять из крестьян, водворенных на земле одного крупного или нескольких мелких соседних помещиков, с числом ревизских душ от 300 до 2000, при наибольшем расстоянии от своего волостного правления в 12 верст и применительно к разделению населения на приходы (25). В соответствии этому проекту все бывшие помещичьи земли уезда были разделены на 26 волостей (26). Деление это носило лишь временный характер. По ликвидации дела с выходом крестьян путем выкупа из всяких временных обстоятельств к помещикам, когда все крестьяне уезда — удельные, казенные и помещичьи, — слились в одно свободное сословие под общим ведением Тверской Казенной Палаты, прежняя обособленность их волостей должна была исчезнуть. Все старые волости, и помещичьи, и казенные, и удельные, были нарушены. Уезд был разделен на волости совершенно заново, приблизительно в том виде, в каком это деление держалось к 1917 году.

В составе сел и погостов уезда со времени екатерининского Учреждения о губерниях произошли следующие перемены. Село Кушалино в 19 столетии было возвращено Твери. Села Шеломень и Богородское упразднены. Ушаково, Михайлова Гора, Кононово, Старое Гвоздино и Воскресенское обращены в деревни. Селищи переименовано в Диево. Вновь образованы села: Моркины Горы в 1826 году, Осташково в 1849 году, Александровские Нивы в 1855 году, Диаконов Приют во второй половине 19 века, Змиево в 1898 году, Ключевое и Медведиха в 1906 году. Из погостов упразднены два: Мининский под Бежецком и Михайловский. Вновь открыты Кирилловский погост в 1842 году и в недавнее время погост Кузмиха. Сильнее коснулись перемены селец и деревень. Первые, являясь местом жительства преимущественно лишь помещичьей семьи и дворни, со всяким сносом хором по той или иной причине исчезли совершенно, при перестройке барского дома зачастую переносились на другое место и с другим названием, при дроблении поместий появлялись вновь и т. д. Много исчезло их при отмене крепостного права в связи с поступлением помещичьих зе-

мель в крестьянский надел или за их продажей. Уцелели до наших дней лишь те, где или оставался на жительство помещик, или селились крестьяне, обратив сельцо в деревню.

Деревень с названиями, отмеченными в старых писцовых книгах, на современной карте уезда мы найдем мало. Большинство их запустело. Причины были разные. В 16 веке при малолюдности деревень пустели они, по выражению Новгородских писцовых книг, за бегством крестьян вследствие того, что «земля худа и описью дорога», «от царевых великого князя податей», «от помещиковой худобы», вследствие того, что «помещики померли, не стало их, а отроду у них не осталось», «от морового поветрия», «от безводья», «от того, что та деревня — в волотах, меж мхов», «от большие дороги проезжие да лихих людей» и т.п. Во всех таких случаях деревенька исчезла бесследно, и писцовая книга отмечала о ней: «Запустела тому лет 15 (иногда 20 — 30) и не пашет ее никто и лесом заросла» (27). При Грозном такой причиной послужило взятие Бежецкого Верха в опричнину, доведшее край до того, что в Трестенском, например, погосте из 552 деревень числилось пустыми, «неживущими» 545, в Рыбинском из 288 деревень — 281, в Гостинницком из 114 деревень — 110 и т.д. На месте этих запустелых деревень, по выражению писцовой книги Ласкирева 1582 года, остались «царя и великого князя порозжие земли, что были в поместьях за детьми боярскими» (28). Много деревень запустело в великое Литовское разорение. Пустели они и в последующее время, пока существование помещичьих деревень зависело от произвола владельца, нередко переносившего деревню по каким-нибудь хозяйственным соображениям на другое место и выводившего крестьян своих в другие свои вотчины. На существование когда-то этих деревень теперь могут указать лишь одни сохранившиеся кое-где, по преданию зафиксированные на планах названия пустошей. Больше устойчивости в деревнях монастырских, позднее экономических, и дворцовых или удельных. Здесь крестьянин тверже прикреплен был к земле, и снос деревень практиковался сравнительно редко. В последнее время, за выходом крестьян на отруба, начали образовываться хутора.

За всеми переделами, происшедшими со времен Екатерины II, Бежецкий уезд к 1917 году имел 81 село, 26 погостов (29) и

1538 селец, деревень и хуторов (30), насчитывал 314465 душ населения (145095 мужчин и 169370 женщин) (31) и делился на 30 волостей при четырех станах.

Так сложилась Бежецкая волость в ее далеком историческом прошлом и затем последовательно выросла в одну из обширных Новгородских пятин, перешла в скромные размеры старого Бежецкого Верха и, перекроенная Екатериной в уезд, дошла до нас в тех окончательных границах, какие приданы ей в 1796 году.

Примечания

1. Новгород. писц. книга. 1545 г. Лист 620.
2. Типограф. Изв. Росс. Империи. Изд. Акад. Наук. 1772 г. Т. 1. Стр. 267.
3. Там же. Стр. 279.
4. Архив Благочинного 1-го Беж. Округа. Указ Бежецкого Дух. Правления от 19 апр. 1793 г. № 303.
5. Архив Беж. Земск. Суда. Отношение придворного ст.-секретаря по принятию прошений от 21 мая 1841 г. № 3071.
6. Архив Беж. Дух. Правления. Донес. Благоч. свящ. Егорова 1778 г.
7. Там же. Дело 1778 г. О сносе Мих-Горской церкви.
8. Архив церкви с. Константинова. Ист.-арх. свед. 1914 г., п. 4.
9. Устав Святослава о церк. дани 1137 г.
10. История Карамзина. Изд. 1892 г. Т. XI, стр. 16.
11. Архив Еськовской церкви. Ист.-арх. Сведения 1914 г., п. 4.
12. Там же, п. 7.
13. *Гурлянд*. Ямская гоньба в Московском государстве. Изд. 1900 г., стр. 190.
14. Церк. архив с. Еськи. Ист.-арх. свед. 1914 г., п. 4.
15. Церк. архив п. Троицкого. Ист.-арх. свед. 1914 г., п. 3.
16. Архив Бежецкого Земского Суда. Рапорт У. Землемера от 12 июня 1804 г.
17. Архив Мин. юстиции. Подлинная переписная. Бежецкий Верх. 7154.
18. Там же. Книга № 11440/12.
19. Там же. Книга № 23.

20. Полн. Собр. Законов Рос. Имп. Год 1776, января 16 № 14420.
21. Арх. Б.У. Земского суда. Рапорт У. Землемера от 17 июня 1804 г. № 11.
22. Генеральное соображение по Тверской губ. Тверь. 1873. Стр. 70–71.
23. Архив Б.У. Земского Суда. Отношение Б.У. Землемера Перезудова от 12 июня 1804 г.
24. Архив Беж. Предводителя Дворянства. Отношение У. Исправника от 20 сент. 1832 г. № 201.
25. Арх. Беж. Предвод. Двор. Отн. Ред. Ком. 24 февр. 1861 г. № 5.
26. Там же. Отн. Тв. губ. по крест. делу присутствия от 15 мая 1861 г. № 543.
27. Новгородские Писц. книги. Изд. Арх. Ком. 1910 г., т. 6.
28. *Неволин*. О погостах и пятинах Новгородских. СПб. 1853 г. Приложение № XII.
29. Справочная книга по Тв. епархии. Изд. 1915 г. Стр. 20–70.
30. Адрес-календарь Тв. губ. Изд. Твер. губ. Стат. Комитета 1916 г. отд. 3. Стр. 43.
31. Там же. Отд. 4. Стр. 12.

И.Н. Постников

Дворянские землевладения в Бежецком уезде

В Древней Руси различалось два вида земельных владений: вотчина и поместье.

Вотчина — земельное имущество с правами полной частной собственности, приобретаемое или путем покупки («купля отца моего», по выражению документов 14 века, «моя вотчина»), или путем пожалования от правительства. Она являлась «бесповоротной» собственностью «в роды родов», владение ею ни с какими условиями и обязательствами не было связано, и владелец был в ней по своим правам почти тем же, чем был удельный князь в своем княжестве.

Имя поместий носило земельное имущество, отдаваемое государством служилым людям как жалованье за их службу, причем оно продолжало оставаться собственностью государства. По выходе служилого человека в отставку прекращалось и право его

на поместье. Но так как оно, это право, обычно оставлялось за ним потом в качестве пенсии до совершеннолетия его сыновей и переходило к последним за их личную службу, поместье по большей части становилось наследственным, переходя от поколения к поколению.

По Писцовой книге Бежецкой пятины 1545 года, в старых погостах, оторванных когда-то от Бежецка Москвой и возвращенных при Екатерине, мы видим прочно осевшие здесь рода князей Мещерских, Родичевых, Шамшевых, Сысоевых, Ушаковых, Кувшиновых, Беклешевых, Еремеевых, Софроновых, Толмачевых, Юреневых, Волынцевых, Чертовских, Кутузовых, Васяевых, Аисиных, Меликовых, Боборыкиных, Загряжских и т.д. Сидели они и плодились здесь, на своих поместьях, по-видимому, веками. В Замытском, например, погосте за разными представителями одной и той же фамилии Аисиных к 1545 году скопилось шесть уже отдельных владений, и владений довольно крупных; за представителями фамилии Сысоевых в Ивановской волости – тоже шесть отдельных поместий, а обширный Гостиницкий погост, из 12 поместий, целиком принадлежал роду Шамшевых, двенадцати отдельным его представителям.

На пространстве в 5124 кв. верст, какое занимали входящие теперь в состав Бежецкого уезда старые новгородские погосты, в 36 его кормленых волостях, т.е. земельных участках, розданных когда-то разным волостелям из бояр на кормление, числилось до 116 поместий. В поместьях было 14 сел, 1680 деревень, 3507 жилых и 151 пустой двор и 3643 души мужского населения. Население составляли крестьяне, тогда еще свободные, селившиеся на помещичьих землях небольшими деревнями в 2–4 двора, а иногда и в 1 двор, своею волей, по «порядной» записи, с обязательством пахать на помещика и «делати на него всякое изделье». Постепенно эти обязательства поселенца осложняются. В «порядные» вводятся новые условия: «всякую страду страдать на помещика и оброк платить, чем он приоброчит, жить, где он, государь, ни прикажет, в вотчине или поместье, где он изволит поселить». Создается та задолженность поселенца помещику, которая вынуждает его на такие уже крайние условия, как: «вольно ему, государю моему, меня продать и заложить», и подготавливает крепостную зависимость. Для помещика эти условия,

конечно, были выгодны, и крестьян он старался поселить у себя как можно больше. У некоторых (Тибет-Улаповичей в Толмачах, Мещерских в Рыбинском, Савельевых в Сельцах, у Милюковых в Трестне) поселенцы считаются сотнями, а это для того времени и данной местности было числом довольно уже значительным.

Таким образом, у помещика было и насиженное гнездо, и налаженное хозяйство, и значительное число крестьян. Отслуживая государству поместье как свое жалованье явкою на войну по первому требованию правительства, со своим конем, в своем панцире, железной шапке и саадаке, при сабле и с определенным количеством даточных людей, остальное время помещик мирно отсиживал на своем поместье, расширяя свое хозяйство и являясь в своих владениях почти таким же князьком, каким был вотчинник в своей вотчине. Судя по данным Писцовой книги о посевах и о том оброке, который вносился помещику в известной доле со всякого крестьянского хозяйства разными сортами хлеба, скотом, птицей, мясом, молочными продуктами и пряжей, в новгородских собственно погостах, о которых идет речь, и помещику и поселенцу его, крестьянину, жилось сытно и относительно безбедно.

Взятие Грозным Бежецкого Верха в опричнину, с выселением отсюда старых вотчинников и помещиков за литовский рубеж, картину эту изменило. Население разбежалось. Громадное большинство деревень запустело. По писцовой книге Ласкирева 1582 года, в некоторых погостах, т.е. округах Замытском, Дорском (у нынешнего села Осташкова) и волостке Сельцах «живущих селений» совершенно не осталось, они полностью запустели. «Церкви Божии стояли без пенья», торговля замерла. В Трестне, откуда «жильцы разошлись в девяностом году безвестно», отмечает в своей книге Ласкирев, «лавки были торговых людей (до 35 лавок), а ныне стоят пусты». Запустение получилось поразительное. На всем обширном пространстве второй половины Бежецкой пятины за старыми служилыми помещиками оставалось всего 141 поместье, но и те в большинстве своем были пусты. На месте выселенных бояр и детей боярских Грозный распорядился поселить новых из-за рубежа. Таких нашлось немного: «новых помещиков детей боярских Немецких городов 32 человека, да Юрьевских новокрещенов 49 человек, да Говейских козаков 55

человек да 2 человека Тотар». Но едва ли успели эти новые помещики поселиться и оклиматизироваться здесь. Большие села и деревни долго оставались «государя, царя и великого князя порожими землями, что были за детьми боярскими в поместьях». Восстановить разоренное хозяйство, оживить все эти запустелые села и деревни было трудно. Между тем, вскоре же надвинулось лихолетье — то тяжелое Смутное время, которое довершило начатую при Грозном разруху.

От первой четверти 17 столетия, когда жизнь русского государства только что начала налаживаться после пережитого великого Литовского разорения, до нас дошла, между прочим, Разборная Десятня Бежичан, дворян и детей боярских 1622 года, т.е. перепись их при разборе и раздаче жалованья. Число дворян и детей боярских по Бежецкому Верху Десятня эта определяет в 256 человек. 92 из них — недоросли, вдовы и сироты, исключительно «худопоместные, пустоместные и беспоместные». **«Поместьем и деньгами они не верстаны и в службу не успели, а живут на прожиточных поместьях и на родственных вотчинах, а по сказке окладников поместья и вотчины за ними худы, даточных людей с них взять нечего».** Из остальных дворян, дворян служилого возраста, 38 не имеют в Бежецком Верху ни поместий, ни вотчин, может быть, утратив права свои на земельный участок еще при Грозном, а может быть, и за невозможностью нести с него обязательную военную службу. Большинство из них вынуждено служить по разным городам и должностям: в Кабацком и Холопьем приказах, в объезжих и казацких головах, в стрелецких сотниках, в недельщиках и т.д. Трое нанялись быть при дворах бояр. Один, Литвинов, был простым служкой в местном Антониевом монастыре и один, Милюков, там же постригся в монахи. Двое жили «забогородно» в чужих поместьях. И двое, Лазарев и Дробышев, не имея никакого пристанища, «скитались меж двор». Владельцев вотчин и помещиков на правах отбывавшейся ими военной службы числилось 126. Из вотчинников многие за только что пережитыми невзгодами пришли в такое состояние, что «вперед их ни в какую службу не будет». Иевлев и Темиров только что вернулись из «Литовского полона», пробыв в нем около 15 лет; Недовесков, Моклоков, Черкашеников, Суворов, Титов, Сноксарев, Батюшков, Плишкин и двое Нелединских «увечны от ран

и больны». Сухово Семен Иванович «и сожжен, и ссечен, и шея у него пересечена».

В поместья как жалованье за службу правительством роздано было по Бежецкому Верху 23203 десятины земли. Оклады были разные, смотря по пригодности к службе. О дворянине Овсянникове Десятня отмечает: «**Поместьем и деньгами верстан при ростриге, а оклад ему учинен 150 четей, денег 6 рублей и вперед де ему бытии в том же окладе, а больше того не стоит**». Высшие оклады, в 650 и 600 четей, были присвоены Загряжскому и Ушакову. Большинство имело от 250 до 350 четей, двое по 75 четей и один — 56 четей. Средним числом на каждого служилого помещика падало по 282 чети, на наш счет по 141 десятине земли.

Людьми вотчины и поместья были очень небогаты. Заселение их после бывшего разорения, по-видимому, только что еще начиналось и шло очень медленно. За помещика Батюшкова все крестьяне и бобыли его, 11 человек, «сошлись», по отзыву Десятни, «лишь сее зимы». О другом помещике, Сьянове, есть такая отметка: «...а за ним 2 крестьянина да 8 бобылей и те бродят меж двор, а сошлись де за него те бобыли недавно из разных городов и живут все в одном дворишке и не поселились». Поселение и устройство бобылей своими хозяйствами подготавливается, а пока они у большинства помещиков и даже у таких видных по Бежецкому Верху, как Заборовские, Батюшковы и Приклонские, бродят и кормятся меж двор, а у Караулова единственный его пока бобыль «живет с ним в одной избе, бродит меж двор, с ним вместе кормится». Самый богатый из бежецких дворян, Елизар Матвеевич Нелединский, имеет 11 человек крестьян да 21 бобыля. У Квашниных числилось 6 крестьян и 14 бобылей, за Травиным — 6 крестьян и 15 бобылей, за Ф.В. Масловым — 6 крестьян и 14 бобылей, за Ем. Ис. Масловым — 4 крестьянина и 13 бобылей, за Недовесковым — 3 крестьянина и 10 бобылей. У остальных число крестьян вместе с бобылями редко доходило до 10, у большинства было по 3-4 человека и у десяти — по одному.

Оценивая Бежецких помещиков со стороны пригодности их к военной службе, о шести из них, тех, которые имели свыше 10 крестьян, Десятня отзывается: «**Мочно им быть на государеве службе без государева жалованья на обышном коне**», но «**на добром коне, с пищалью и в сабле без государева жалованья им**

явиться не мочно». О всех остальных помещиках Бежецкого Верха Десятня неизменно отмечает: «И на государева службе без государева жалованья выгнни им не с чего и поднятться им нечем».

После составления Десятни раздача земель в поместья продолжалась. И всего более их роздано было правительством в том же 17 веке (1). На этот век падают и самые напряженные старания дворян о заселении своих владений крестьянами, той рабочей силой, в которой так нуждались и вотчины, и поместья. Достигалось это заселение всевозможными способами, начиная от заманивания разными обещаниями сходявшихся после разрухи бобылей и покупки крестьян и кончая мерами насильственными. В сохранившихся и имеющихся у нас под руками семейных архивах старых дворян Бежецкого Верха мы видим большое количество дел о возврате беглых крепостных из завладения разных вотчинников и помещиков. Такое завладение — явление настолько заурядное для того времени, что дела о возврате обычно не доводились до суда, а разрешались простым сговором, мировою, как дела слишком обыкновенные, частные. Видная помещица Суворова жалуется на не менее видного дворянина Беженцева за захват ее людей разбоем на большой дороге. Дьячок Васька Константинов бьет челом на именитых Мусиных-Пушкиных: «Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу и великой государыне и благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне всея великия и малыя и белыя России самодержцем бьет челом последний Ваш государев вогомолец Ярославского уезду Верховского стану Сутки Васька Константинов на ведомых наглых нападчиков и разорителей, на Михайлу да на Якова Савиных детей Мусиных-Пушкиных. В прошлых, Государи, годех во 193 году призвал он, Михайло, отца моего и меня, вогомольца Вашего, к приходской церкви Божии во дьячки. И жил отец мой и я, вогомолец Ваш, у той церкви года с три и больши и по наговору тое ж церкви попа Тихона Петрова и по великому скупу он, Михайло, отцу моему и мне, вогомольцу Вашему, от церкви Божии от дьячества отказал и стал звать к себе во двор в холопи. И отец мой к нему, Михайлу, не пошел. И он, Михайло, рьяся тому, стал отцу моему и мне, вогомольцу Вашему, всякие налоги и разорение чинить. И отец мой от таких ево Михайловых наглых нападок хотел ехать прочь. И в нонешнем, Государи, во 195 году,

похотя он, Михайло, нас, богомольцев ваших, неволею закабалить и, захватя меня, богомольца вашего, держал у себя в железах многое время, бил и мучил всячески, прося на меня, богомольца вашего, неволею кабалы. И я емү, Михайлу, кабалы на себя не дал и, разломав железа, ушел и, помешкав небольшое время, пришел к отцу своему в дом. И он, Михайло, неведомо по какому своему вынску, скопая ночью с людьми своими и со крестьяны, двор у отца моего зажгли и на двор вломились со всяким ружьем, с рогатинами и с бердышами и востренным кольем. И видя я, богомолец ваш, такое ево Михайлово наглое разорение и приступ и убояся, со двора отца своего ушел. А отец мой, бороняся от смерти в домшке своем, ранил ево, Михайлу, из винтовки и после той раны жил он, Михайло, с неделю и больши и умер. А люди ево и крестьяне, взяв из домшка отца моего, невозя никуды в город, без вашего, великих государей, указу, рогатинами и востренным кольем закололи до смерти, а убив, наругались, труп спарывали и сало вынимали неведомо для чего, и то убитое тело кинули на поле в волчью яму и то тело птицы и звери разволочили. И, увидав то, брат ево Михайлов, Яков Фавин же сын Мусин-Пушкин и приехав в домшко наш с людьми своими, и мать мою и бабу бил и мучил и, привязав за переклад, руки ломал и свел на Углич в тюрьму, а сестер моих двух девок взял он Яков Мусин-Пушкин к себе во двор и всячески наругаетца. А животишка наши и статки их же люди и крестьяне разорили до основания без остатку. Да в том, государи, их разорение братишка моево Мишки безвестно не стало. Про того, государи, про все ведомо многим волостям и селам и окольным людям» (2).

Приведенная челобитная представляется яркою, выразительной иллюстрацией той острой нужды в кабальных людях и той погони за ними, которые являются характерною особенностью помещичьего быта 17 столетия.

К началу следующего, 18 века число помещичьих крестьян значительно выросло. В 1709 году в Бежецком Верху за гражданским ведомством по переписи князя Волконского числилось 13978 душ мужского пола (3). Если скинуть с этой цифры то, что причиталось на дворцовые волости — по приблизительному расчету четвертую часть, на долю собственно дворянских вотчин и поместий должно будет пасть до десяти с половиной тысяч.

В 18 столетии условия дворянского землевладения меняются.

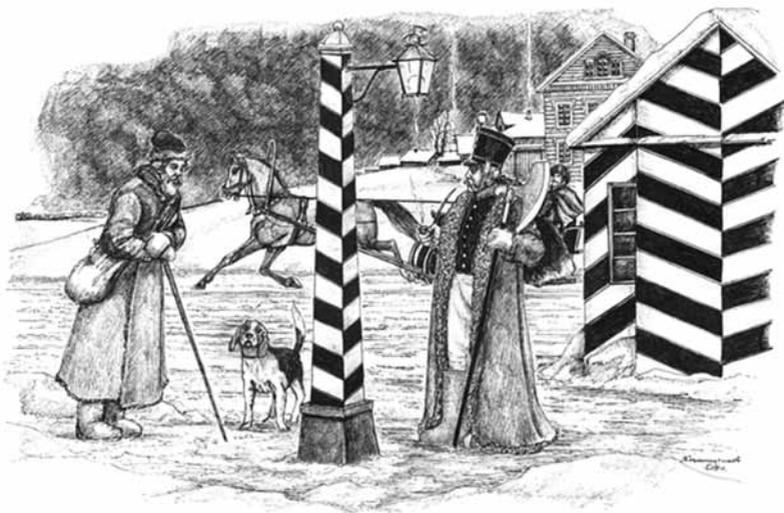

При Петре Великом произошла коренная военная реформа, начатая еще при Михаиле и подготовленная в царствование Алексея Михайловича. От земельного вознаграждения за военную службу государство постепенно переходит к денежному. Благодаря этому, те поместья, с которых дворяне несли прежде свою традиционную военную службу, утрачивают характер временно-го владения как жалованья за службу и обращаются в собственность дворян. Законом 1731 года они окончательно сливаются с вотчинами под общим названием недвижимых владений. Освобожденные от обязательства нести военную службу, дворяне по разным правительственным указам и распоряжениям получают целый ряд всевозможных льгот и при Екатерине окончательно сформировываются в замкнутое сословие потомственных дворян с особой организацией – «с правами, вольностями и преимуществами благородного Российского дворянства». Пожалование им в вотчинное владение земельных угодий и крестьян «за особые заслуги» продолжается и в Екатерининский век, когда в распоряжении правительственной власти оказались отобранные у церкви громадные земельные владения монастырей, а «особые заслуги» были так часты, и принимает размеры небывало широкие.

Окладная книга Бежецкой Воеводской Канцелярии екатеринских времен, 1773 года, рисует такую картину дворянского землевладения старого Бежецкого Верха. Двадцать семь дворянских фамилий из упоминаемых в Десятине 1622 года исчезают с территории Бежецкого Верха. Часть этих старых дворянских родов за истекшие полтора века вымерла и часть выселилась. Остальные окрепли на своих вотчинах и поместьях и настолько разрослись, что Батюшковых, например, как отдельных владельцев, по Окладной книге, числится 21, Петровых – 11, Масловых, Олсуфьевых, Ушаковых – по 9, Бестужевых, Карякиных, Старошершавиных – по 7, Карауловых, Бешенцевых, Рыкачевых, Сербениных – по 6 и т.д. Появляется масса совершенно новых для Бежецкого Верха фамилий: Бакуниных, Боборыкиных, Бежецких, Вырубовых, Гурьевых, Давыдовых, Загоскиных, Ермоловых, Квашниных-Самариных, Коновницыных, Костровых, Ладыженских, Майковых, Мамоновых, Милюковых, Муравьевых, Норовых, Петрово-Солововых, Полонских, Римских-Корсаковых, Родичевых, Сипягиных, Сухово-Кобылиных, Тихме-

невых, Толстых, Усовых, Фонвизиных, Хвостовых, Хлоповых, Хрущовых, Шубинских и др. Среди них видим фамилии, оставившие очень заметный след в нашей истории, науке и литературе. Встречаются титулованные фамилии князей Волконских (д. Глухово Мещерского стана), Волынских (с-цо Каменка Пироговского стана), Голициных (с. Сулега), Козловских (с. Богородское и Шеломень), Мещерских (с-цо Щербово Полянского стана), Морткиных (с-цо Никулино Городецкого стана), Оболенских (с-цо Фофоново Верховского стана), Прозоровских (с. Кесова Гора), Ухтомских (с-цо Дубровки Верховского стана и село Телятино), Шаховских (с-цо Сетки Городецкого стана), Щербатовых (с. Боженки), Энгальчевых (с. Ушаково) и Сонцовых-Засекиных (с-цо Усадьба Еського приселья). Возвышается при Екатерине II на степень могущественных временщиков и возводится в графское достоинство род Орловых. Один из братьев Орловых, Иван Григорьевич, наследовал старое родовое гнездо в сельце Люткино близ погоста Бежиц, где похоронен его дед, скромный бежецкий стряпчий Иван Иванович Орлов. Другой брат, фаворит императрицы Григорий, владел вотчинами при с. Боженках и в Мещерском стану при д. Горке. Третий, Владимир, — при д. Абакумове. В общем владении всех братьев Орловых состояла в Максимовском приселье дер. Мануилово. В

род другого екатерининского фаворита графа Зубова переходит, впрочем по составлении уже Окладной книги, от князей Голицыных с. Сулега с деревнями в 7337 десятин земли и в 989 душ крестьян мужского пола. Байковым владеет большой любимец императрицы Елизаветы, лучшее украшение ее царствования, основатель первого в России университета Иван Иванович Шувалов. Село Курганы принадлежит мелкопоместному дворянину Аракчееву. При Гатчинском дворе Павла Петровича, тогда еще наследника престола, выдвигается его сын, впоследствии могущественнейший временщик двух царствований, граф Алексей Андреевич Аракчеев. В сельце Талашманах, в Ивановском стану, сидят близкие родичи генералиссимуса Суворова. Граф Александр Борисович Батулин, помещик сельца Крюкова в Городецком стану, — фельдмаршал. Князь Алексей Дим. Голицын, помещик с. Сулеги, — сенатор. Князь Иван Андреевич Прозоровский — генерал-аншеф. Князь Алексей Семенович Козловский — генерал-поручик. Яков Андреевич Маслов, помещик с. Тушитова, — действительный тайный советник. Помещик с-ца Рашкова Марк Рыкачев — генерал-майор. В селе Малинском Полянского стана имеет четыре души духовник императрицы Федор Дубянский.

Самым богатым вотчинником по Бежецкому Верху числился Нелединский-Мелецкий, имевший в разных его станах, и преимущественно у села Воскресенского, до 2000 крепостных. За ним по числу душ идут князь Голицын (900 душ при с. Сулега), кн. Мавра Голицына (900 душ при с-це Дятлове Городецкого стана), полковник Евграф Чертков (около 900 душ при с. Пятницком), генерал Собакин (около 900 душ при с. Замытье), князь Прозоровский (около 800 душ при с. Кесова Гора), граф Мусин-Пушкин (около 800 душ при с. Сушигорицах), статский советник Татищев (около 800 душ при с. Польце, Беляницах и Ивашкове), Лев Батюшков (около 700 душ при с. Раменье и Кесьме), князь Козловский (около 600 душ при с. Богородском), Нарбеков (около 600 душ при с. Поречье), Ступишин (около 600 душ при д. Большой Нонихе Полянского стана) и имевшие по 500 душ Лихарева (с. Лаврово), Римский-Корсаков (с. Андреевское), граф Григорий Орлов (с-цо Люткино), Лобков (д. Александрово Ессеницкого стана) и Савелов (с. Синева Дуброва). Семь поме-

щиков имели по 400 душ, семь по 300, шестнадцать по 200, сорок по 100, семьдесят от 50 до 100, двести пятьдесят два от 10 до 50 и двести тридцать пять меньше 10 душ. Всех дворянских фамилий в окладной книге Бежецкого Верха 1773 года упоминается 266. Отдельных владельцев — 548. Из них 207 женщин. Во владении их состоит 90 сел и 249 селец с деревнями. Крепостных душ мужского пола за ними — 38016.

В последней четверти 18 века Бежецкий Верх, как известно, обращен был в уезд, причем большая его половина отошла к соседним городам. Вместе с тем за его старые границы ушел к Кашину, Весьегонску и Красному Холму и целый ряд таких крупных помещиков, как Нелединские-Мелецкие, Чертковы, князья Прозоровские, Батюшковы, Мусины-Пушкины, Лихаревы, Лобковы и Ступишины, ряд помещиков менее крупных, но для Бежецкого Верха всё же очень значительных, имевших по 200, по 300 и по 400 душ: Олсуфьевых, Кацауровых, Хрушовых, Вырубовых, Вишневских, Скрипицыных, Масловых, Карауловых, Жуковых, Боборыкиных, Милюковых и т.д. и масса мелкопоместных дворян. Правда, утеря эта возмещена была присоединением к Бежецкому уезду соседних новгородских владений, но лишь до некоторой степени. Это вернуло Бежецку некоторых потомков тех дворян и детей боярских, которых за несколько веков перед тем оторвала от него Москва: Забелиных, Еремеевых, Сысоевых и Шамшевых, — придало несколько новых дворянских родов: Бестужевых, Мельницких, Ресиных, Семичевых, Цызаревых и др., — но в общем число дворян повысилось немного, так как вновь прирезанная полоса земли вообще не была богата помещиками. К 1783 году, по образовании нового Бежецкого уезда, в нем числилось 205 помещиков и из них «дома и действительное пребывание в уезде имели лишь 53 человека». За помещиками состояло 30 сел, 66 селец и 189 деревень при 12681 крепостной душе мужского пола и 12746 душах женского. По отзыву автора Генерального Соображения по Тверской губернии, откуда взяты эти цифры, дворянства в то время в Бежецком уезде было мало.

Усилило его состав возвращение в 1796 году г. Бежецку волостей, отрезанных от него 20 лет тому назад к Красному Холму, и щедрые павловские пожалованья от того излишка дворцовых земель, который оказался за удовлетворением членов импера-

торской фамилии по нормам вышедшего тогда нового Учреждения. Так, адмиралу Ивану Логиновичу Голенищеву-Кутузову «в воздаяние долговременной и усердной службы пожаловано в вечное и потомственное владение 1300 душ мужского пола в Прудовской вотчине, 26 селений со всеми землями, дворами, хоромным и огородным строением, с пашнями и лугами, с лесами, санными покосами и рыбными ловлями, ничего не выключая из всего того, что на назначенное число душ принадлежит» (4). Тайному советнику Петру Алексеевичу Обрезкову пожалована верхняя половина Ивицкой вотчины с селом Диевом — свыше 10000 десятин земли и 700 душ крестьян (5). Статскому советнику Чулкову дана часть Юркинской вотчины с сельцом Волковым в 284 души (6). Но это были уже последние пожалования. С кончиною Павла дальнейший рост дворянского землевладения прекращается.

В первой четверти следующего, 19 столетия, когда границы Бежецкого уезда установились вполне и помещичьи владения вошли в те рамки, дальше которых они уже не заходили, в Бежецком уезде, по сохранившемуся списку владельческим дачам (7), числилось 452 дворянина-землевладельца. 99 из них — со старыми фамилиями, упоминаемыми частью в Новгородских писцовых книгах 16 века и Разборной Десятне 1622 года и частью в Окладной книге Бежецкого Верха 1773 года, и 117 — с фамилиями новыми. Число их крепостных определялось в 32526 душ мужского пола. Самыми крупными помещиками были: князь Голицин (с. Замытье, 1609 душ), граф Вл. Гр. Орлов (с-цо Люткино, 1242 души), граф Д.А. Зубов (с. Сулега, 922 души), Демьянова (с. Алексеевское) и Римский-Корсаков (с. Андреевское), имевшие по 700 душ, и В. Евгр. Татищев (с. Беляницы), имевший 600 душ. По 500 душ состояло за А. Е. Татищевым (с. Польцо), Волынским (с. Борисовское), П.И. Голенищевым-Кутузовым (д. Кузнецово), Дубенским (с. Мохнецы), князем Дивлет-Кильдеевым (с-цо Шеломень), Луниной (с. Синево-Дуброво) и графиней Санти (с. Поречье). По 400 душ за Л.И. Голенищевым-Кутузовым (д. Пальцево), Желобовым (с-цо Степанково), Зыбиной (с. Котово), князем Мещерским (с. Ивановское) и генерал-майоршей Офросимовой (с-цо Бухалово). Из остальных 15 помещиков имели по 300 душ, 33 — по 200 душ, 26 — по 100 душ, 37 — от 50 до 100 душ, 190 — от 10 до 50 душ и 133 — по 9 душ и меньше.

Наибольшую известностью пользовались граф В.Г. Орлов – по своей близости ко Двору, Голенищевы-Кутузовы, граф Аракчеев и Н.Н. Жеребцова.

Логин Иванович Голенищев-Кутузов, генерал-лейтенант, был председателем Ученого Комитета Морского Министерства и по тому времени довольно видным писателем. В Петроградской Публичной библиотеке, между прочим, хранится дневник его с 1806 по 1843 год. В имении своем, при д. Пальцове, Логин Иванович устроил большой винокуренный завод. Это привело его к крупным долгам Провиантскому Департаменту. Имение было заложено и в 1819 году продано с аукционного торга князю Голицину (8). Винокуренный завод, оцененный тогда в 44523 рубля, взят в казенный секвестр (9).

Поместье другого Голенищева-Кутузова, Павла Ивановича, перешло потом в приданое за дочерью Авдотьею Павловной к Федору Николаевичу Глинке. Авдотья Павловна известна была как автор популярных в то время повестей и стихотворений. Муж ее Ф.Н. Глинка, адъютант Милорадовича, был в сражении при Аустерлице, участвовал в войне 1812 года и находился в походе до конца 1814 года. Издал «Письма русского офицера», доставившие ему литературную известность и сборник духовных стихотворений. Редактировал «Военный вестник». В 1826 году, как декабрист, исключен из военной службы и сослан в Петрозаводск. По возвращении из ссылки в 1830 году некоторое время служил советником Губернского Правления. В 1835 году вышел в отставку. Проживал большею частью в Москве и Петербурге, а лето обычно проводил в своем имении. Занимался археологией. К концу жизни увлекся он спиритизмом и впал в мистицизм. Имение перед смертью подарил своему лакею. Умер в 1880 году.

У Аракчеевых в уезде было два имения: при с. Курганах и д. Заужанье (близ Введенского-Дымцева). Оба перешли к отцу графа Андрею Андреевичу от тещи его Н.Я. Ветлицкой. Родиной графа было село Курганы. Там жили и похоронены его родители. Аракчеев, отличаясь привязанностью к ним, сравнительно часто навещал их при их жизни, а после смерти их не раз приезжал на поклонение их могилам (10). В Курганах им устроен при церкви придел над прахом отца и матери, а в Заужанье выстроен храм, обращенный после его смерти в часовню (11). В распоряжение сво-

ими бежецкими именьями граф Аракчеев не входил, предоставив их брату своему Петру Андреевичу, но связи своей с Бежецким уездом не порывал до самой своей смерти и оставил здесь немало преданий о себе. Впоследствии именья поделены были между наследниками Аракчеевых: Еремеевыми, Менделеевыми и Артимеевыми (12). В Курганах проживал П.Ф. Еремеев. По распоряжению министра внутренних дел он взят был в дом для умалишенных, указом Сената

освобожден и возвращен в Курганы, но в том же 1851 году снова отослан в сумасшедший дом, как помешанный от нетрезвой жизни, жестокий с дворовыми людьми и крестьянами и опасный для населения (13). Позднее все бывшие аракчеевские именья наследниками были проданы крестьянам.

Настасья Никитишна Жеребцова, урожденная Нефедьева, была теткой Аракчеева. На своего племянника, могущественного временщика, имела настолько сильное влияние, что у нее заискивали лица иногда очень высокопоставленные. Этим объясняется особое, исключительное положение Жеребцовой среди помещиков Бежецкого уезда и та большая роль, какую она здесь играла. Именье ее, наследованное после матери сельцо Квосово, было под Глазовом. Состояло из 820 десятин земли и 400 душ крестьян м.п. В 1837 году землю с господским домом, всеми строениями и инвентарем она фиктивно продала бежецкому купцу Рогову, как говорили своему побочному сыну. И кроме того дала ему безденежное заемное письмо на 6000 рублей. По этому письму Рогов предъявил потом иск к тем наследникам Жеребцовой, которые получили ее крепостных крестьян (14). Крестьян этих, за переходом именья в купеческое владение, требовалось выселить в другое именье владельца. Но от переселения они отказались и послали в Петербург ходока с прошением о защите на высочайшее имя. Дворянская опека в свою очередь просила губернатора принудить крестьян к переселению путем отправки военной

команды (15). Создавшееся осложнение уладилось, когда Рогов продал бывшее имение Жеребцовой Неведомским.

В 19 столетии поместья меняют своих владельцев часто. Архив предводителя дворянства пестрит объявлениями о продаже имений с аукционного торга за невзнос процентов по залогам. Заложено в разных учреждениях, преимущественно в Московском Опекуном Совете и Тверском Приказе Общественного Призрения, большинство имений уезда, в том числе и такие крупные, как имения князя Голицына, князей Долгоруких, Римских-Корсаковых, Карякиных и др. Значительная часть общих причин вызвавших это явление по Бежецкому уезду за первую половину 19 века падает на развившуюся здесь страсть к азартной игре. В 1829 году помещик Жолобов по делу о долгах признанся Земскому Суду, что 26550 рублей, на каковую сумму он выдал заемное письмо Бежецкому купцу Ивану Матвеевичу Неворотину, проиграны им последнему в карты (16). На показание тогда это не обратили внимания. Между тем дом Неворотина всё более и более делался для дворян типичным игровым притоном, и притоном неприкосновенным, благодаря покровительству городничего и высокому положению игроков-дворян. В 1831 году губернатор секретно писал бежецкому предводителю дворянства: «Дошло до сведения моего, что в августе в доме Невороти-

на городничий с Хлебниковым подрались и городничему левый глаз подбили, так что ему теперь вон из дому не можно выехать» (17). Через год уже после того, очевидно под сильным натиском каких-то влиятельных родственников обыгранных дворян, но опять-таки «секретно», повелось дело «о противозаконных поступках купца И.М. Неворотина в обыгрывании им в карточную игру разных людей». Дело это повело к заключению Неворотина в тюрьму. Учиненный у него на дому следователем полковником корпуса жандармов Мариным обыск обнаружил, между прочим, приготовленные «для гостей» семь ведер рябиновки, ведро черносмородинной и 900 бутылок разной величины и открыл свыше двадцати заемных писем разных дворян ценностью от 155 до 8000 рублей. Кроме того, за Неворотиним оказалась скупленная у помещиков земля (18).

Поместья закладывались, продавались, проигрывались, но в общем из дворянского владения они почти не выходили. Продажа и купля их велась в тесном, замкнутом дворянском кругу. Исключения были очень редки. И не дворянин, купивший помещичью землю, преимущественно по чисто коммерческим соображениям, вскоре же продавал ее какому-нибудь другому помещику. Цена населенных помещичьих имений по Бежецкому уезду в 1850-х годах была такая: 190 рублей за душу с землей и имуществом (19). Случаи отпуска крестьян на волю, переселения их в другие уезды, выкупа у помещика и продажи на вывод по Бежецкому уезду были тоже явлением довольно редким. В 1822 году крепостных, как выше отмечено, за помещиками числилось 32526 душ. Через сорок лет, ко времени освобождения крестьян, их 39930. Перемены в помещичьих владениях, таким образом, сводились исключительно к дворянским родам и фамилиям. Как особенность 19 века, со второй четверти и до 60-х годов, можно отметить появление в уезде целого ряда нерусских, преимущественно немецких, фамилий: Боумгартен, Богговут, Европеус, Зандер, Каллаш, Лампе, Мердер, Муфель, Нейман, Принц, Реут, Розенталь, Рост, Рот, Санти, Серро, Ставенгаген, Торчилло, Шиллинг, Штакельберг, Шрейдер, Штейман, Штюмер, Эдинг.

В 1850-х годах подготавливалась крестьянская реформа. В члены Тверского Комитета по улучшению быта крестьян от Бежецкого уезда вошли предводитель дворянства М.Е. Воробьев, заме-

ститель его на время отлучек земский исправник А.Е. Нефедьев и помещик Л.А. Дорошкевич. Они же были потом, при освобождении крестьян, и в составе Тверского Губернского Комитета по крестьянскому делу. В феврале 1861 года Комитет секретным отношением предупредил бежецкого предводителя дворянства: «В самом непродолжительном времени будут разосланы для обнародования манифест и именной распорядительный указ со следующими к ним положениями и правилами о крестьянах. Государю Императору угодно, чтобы они тотчас же по получении сделались известными помещикам и крестьянам, для чего должны быть разосланы и розданы по принадлежности без малейшей задержки, так как этим одним средством могут быть отклонены превратные толки и всякого рода недоразумения» (20). Две недели спустя предводитель доносил губернатору: «Высочайший манифест и прочие законоположения о крестьянах в числе 550 экземпляров были доставлены на квартиру ко мне 10-го числа сего месяца чиновником особых поручений Кафтыревым и через пять часов по доставлении 12 чиновников отправились для раздачи оных по назначению. Из доставленных росписок видно, что к вечеру 11-го числа исполнено ими большею частью возложенное на них поручение, так что 12-го числа во всех церквях Бежецкого уезда, за исключением самых удаленных местностей, был прочтен Высочайший манифест и отправлено молебствие о благоденствии Государя Императора. Крайне дурная дорога, заторы и ручьи задержали на возвратном пути чиновников, в особенности пристава 1-го стана, командированного в наиболее удаленную местность Бежецкого уезда. В заключение имею честь присовокупить, что как при объявлении манифеста, так и до настоящего времени, сколько мне известно, мир и тишина не были нарушены. Прекращение крепостной зависимости принято было, как и следовало ожидать, с радостию и признательностью» (21).

Выражение радости по поводу мира и тишины, однако же, оказалось преждевременным. Вскоре после того Ф.Н. Глинка писал губернскому предводителю дворянства из своего прудовского имения: «На приглашение крестьянам прибыть для уразумения новых положений они ответили отказом. Рубят беспощадно лес в заповедных заказах. Манифесту и официальным бумагам они доверия не оказали и на увещание священников отвечали вы-

ражениями грубыми и непристойными. Если оставить это без внимания, то особенно при подстрекании бродящих в околоселке, отрешенных от мест писарей и писцов, зараза буйства может пойти далеко» (22). Поступают донесения о волнении крестьян и самоуправстве их из поместий Белевцева, Постельникова, Тимковского, Боумгартен, Загряжского, князей Гагариной, Орлова, Ранцева, Окновых, Демьяновой и других. Графиня Санти жалуется, что население не допускает ее сторожа до караула, чтобы свободнее было рубить ее заповедный лес. Помещица Кузьмина-Караваева просит содействия ввиду угроз дворни оставить ее и скотника — бросить скот. В Восновском имении Евсюковой крестьяне заявили, что «они ни барщины исполнять, ни прежнего оброка платить не станут, а хотят, чтобы их посадили на казенный оброк, который, по их понятию, должен состоять в 9 рублей, но с души или тягла, пояснить отказались». Между тем существовавший у Евсюковой оброк был меньше, чем у других помещиков, не говоря уже об особых льготах, какими у нее пользовались крестьяне. В имение для водворения порядка послано было два эскадрона улан. Впрочем, это был единственный, кажется, случай применения военной силы в уезде. В большинстве дело закончилось мирно.

В помещичьих хозяйствах беспорядок привел к довольно значительному урону. В большом, например, имении Орлова более трети хлеба осталось на корню, несжатым. У княгини Гагариной накопилось за крестьянами до 5000 «незастоенных» дней, а потом, когда крестьяне согласились отработать их, было уже поздно. Остались незасеянные поля, невывезенное удобрение, испорченный дойный скот. Дворяне винили в этом мировых посредников. В протокол Уездного Собрания 1 июня 1861 года они занесли: «Причина упадка дворянских хозяйств и возможного совершенного их расстройтва — не в льготах, дарованных крестьянам Положением, а в односторонней деятельности мировых посредников Европеуса (23), князя Хилкова (24), и особенно Неведомского, в их потворстве крестьянам, поведшем к лени и упорству в работах. Это вызвало жалобы в Мировой Съезд. Но последний состоит из тех же мировых посредников и одного предводителя дворянства. Жалоб было много, но ни по одной из них не только не было и тени взыскания с виновных, но

некоторые и ответа на них не получили. Возможность отбывать барщину по произволу поведет к тому, что крестьяне не согласятся перейти на оброк. И есть основание опасаться на надежду на добровольное соглашение по составлению уставных грамот. Означенные посредники, не пользуясь доверием помещиков, доказали своими действиями недоброжелательство к дворянам. Дерзость дворовых и крестьян может дойти до крайних пределов» (25). Протокол этот был представлен министру внутренних дел с ходатайством об увольнении названных посредников, причем уездное дворянство, между прочим, напоминало министру, что посредник прапорщик Европеус в 1849 году за участие в преступных действиях Буташевича-Петрашевского лишен был чинов с разжалованием в рядовые (26). Ходатайство это не было уважено.

Правительство смотрело на дело иначе. Тверской Губернский Комитет по крестьянскому делу указал уездному дворянству, что причина беспорядков – в неправильном взгляде крестьян на барщинную повинность как на исключительную принадлежность крепостного состояния и рекомендовал разъяснить им, что барщина и оброк – вознаграждение помещику за пользование собственной его землей, соразмерное с наделом, и что по истечении двух лет бывшим крепостным предоставляется самим избирать тот или другой способ вознаграждения помещика за землю (27). С другой стороны Комитет рекомендовал переводить крестьян на чистый оброк, так как, по имеющимся у него данным, недоразумения возникали преимущественно в тех имениях, где была смешанная повинность, причем крестьяне, платившие оброк, считали себя вправе от барщинных работ отказаться (28). В ответ на эти указания, советы и предложения уездный предводитель писал тверскому губернатору: «В недавнее время в здешней местности крестьяне считали за милость, если помещик переводил их с барщины на оброк. Оброк, указанный в Положении, сравнительно с издельной повинностью, определенной же тем же Положением, скорее легок, чем обременителен. Оброчные имения пользуются большим благосостоянием, чем издельные, и очень значительным количеством крестьян, отправляющихся для стороннего выработка. Поэтому обязательный переход крестьян с изделья на оброк мог бы послужить лишь к пользе обоих заинтере-

ресованных сторон. Но есть основание опасаться, что крестьяне сами не пожелают перейти с барщины на оброк, видя из опыта нынешнего года возможность отдохнуть на барщине от тяжелых работ на своих полях и уверясь, что по усмотрению своему можно иногда и вовсе не ходить на помещичьи работы. Есть имения, где накопилось к концу августа по несколько тысяч неотстоенных дней» (29). Этому взгляду держалось, по-видимому, всё местное дворянство. Возбуждено было ходатайство о предоставлении ему права принудительного перевода издельных крестьян с барщины на оброк при предстоявшем составлении уставных грамот. Последним сроком для представления этих уставных грамот в Комитет было назначено 6 марта 1862 года. Правительство принимало все меры к ускорению дела. Благодаря энергии и такту тех мировых посредников, которых так обвиняли дворяне в потворстве крестьянам, соглашение последних с помещиками достигнуто было сравнительно скоро и мирно. Уставные грамоты были подписаны. И крупные массовые беспорядки прекратились. Но частичные недоразумения в отдельных имениях остались, перейдя на почву временных обязательных взаимоотношений. Собрание дворян 14 января 1862 года, признавая крайне необходимым закончить эти взаимоотношения, просило Правительство или дать помещикам тогда же полный выкуп — по 150 рублей с надела высшего разряда, или принять на себя соби́рание оброка с крестьян с удержанием 5% в пользу казны на расходы по этому сбору (30). По выкупе крестьян все счета помещиков со своими бывшими крепостными закончились.

Число вышедших на волю помещичьих крестьян в Бежецком уезде, по десятой ревизии, т.е. последней народной переписи, определялось в 39873 души м.п. (31). Со своими наделами они разделены были на четыре участка — по числу мировых посредников — и на 27 волостей. По 1-у участку, посредника Н.Н. Обольянинова, были волости: Стояновская, Трестенская, Замытская, Залазинская, Никольская и Вырецкая. По 2-у участку, посредника князя Хилкова, — Прудовская, Заклинская, Диевская, Ивановская, Попцовская, Поповская и Ильицынская. По 3-у участку, посредника Неведомского, — Чурилковская, Сулежская, Яковлевская, Ременниковская, Бокаревская, Дельковская и Криулинская. По 4-у участку, посредника Европеуса,

– Крупицкая, Поречская, Иванищевская, Алешковская, Михайловская, Константиновская и Княжевская. Помещичьи землевладения по освобождении крестьян, по сохранившемуся от 1866 года списку бежецких дворян (32), представляются в следующем виде: числилось 322 дворянских владения в 259393 десятины, принадлежавшие 227 фамилиям. Крупными землевладельцами являлись: кн. Мещерская – 18768 десятин, К.С. Орлов – 11170 десятин, генерал-адъютант Н.В. Зиновьев – 10443 десятин, Ф.Н. Глинка – 8585, кн. Н.Е. Гагарина – 7014, М.Ф. Соллогуб – 5545, А.Н.Татищев – 5751, кн. А.А. Мещерский – 5502, А.Д. Шишкова – 4974, А.А. Антонова – 3849, Е.О. Евсюкова – 4407, И.С. Мельницкий – 3677 – и Бологовская, Воейков, Львова, Лихачев, Ресин, Рот, Трубников и Цызарев – по 3000 десятин. Семнадцать помещиков имели по 2000 десятин, Тридцать два – по 1000 десятин. Восемьдесят четыре – по 500–900 десятин. Двадцать – по 400 десятин. Двадцать три – по 300 десятин. Сорок – по 200 десятин. Сорок три – по 100 десятин. Тридцать пять – по 50–90 десятин. Двадцать пять – по 10–40 десятин. Один – 7 десятин и два – по 6 десятин. Мелкопоместными владельцами, имевшими право на получение правительственного пособия при освобождении крестьян, признано 74 помещика. В пособие им роздано 17306 рублей 15 копеек. Высший оклад в 633 р. 60 к. назначен малолетним Окновым на 26 душ при 507 десятинах. Низший, 211 р. 20 к., А.Я. Мамышевой на 2 души при 16 десятинах земли (33). Сорок два имения состояли в опеке: 2 из них – капитана Еремеева и вдовы Анны Кривцовой – «за злоупотребление помещичьей властью», 2 – по безумию и сумасшествию, 12 – за долги, 2 – за переходом населенных имений к лицам не дворянского происхождения, 14 – по несовершеннолетию и 10 – за неразделом имений и по неявке наследников (34).

После освобождения крестьян от крепостной зависимости дворянские земельные владения систематически и довольно быстро идут на убыль. К 1887 году за дворянами остается 103323 десятины (35), к концу 1900 года – 59373 десятины (36), к 1910 году – 41390 десятин (37), к 1916 году – 36749 десятин земли (38).

В 1917 году все дворянские землевладения уезда сводились к 33034 десятинам при 143 помещиках (39). Наиболее крупные имения сохранили за собой князья Мещерские – 6422

дес., Татищевы – 3015 дес., графиня Соллогуб – 2003 дес. За ними по количеству владемых десятин идут: Н.Я. Демьянов – 1907 дес., А.П. Демьянов – 1492, Трубников – 1100, Иванов – 1010, Евсюкова – 822, князь Голицын – 796, Трусевич – 740, Ресин – 681, Дивов – 646, Афремовы – 607, Сидоренко – 578, Шварц – 509, Глебов – 475 и князь Хилков – 425. У десяти помещиков было по 300–400 десятин, у двадцати одного – по 200–300, у двадцати пяти – по 100–200, у остальных – менее, чем по 100 десятин, причем у пятнадцати количество принадлежащей им земли не превышало 10 десятин.

По мере сокращения землевладений постепенно исчезают из Бежецкого уезда и потомки тех старых дворян и детей боярских, которые когда-то получили здесь вотчины и поместья «за свои особливые послуги» господину Великому Новгороду и позднее царю и великому князю Московскому за то, что «страдали за них» и, будучи в войсках на своих добрых и обышных конях, в саадаках, с пищалью и своими даточными людьми, «многие города воевали, бились крепко и мужественно и воинских людей побивали всячески, помня породу свою и отечество». Из фамилий, упоминаемых в старых Новгородских писцовых книгах, к нашему времени сохранились здесь исключительно Еремеевы, Ушаковы, Мещерские, Шамшевы и Сысоевы. От Великого Литовского разорения – Карауловы, Карякины, Масловы, Пантелеевы, Ресины, Тесьмины и Чернцовы. От Екатерининского века, века особых прав, вольностей и преимуществ благородного российского дворянства, – Бестужевы-Рюмины, Вырубовы, Вельяминовы-Зерновы, Голицыны, Зыбины, Змиевы, Корсаковы, Кузьмины-Караваевы, Мельницкие, Мокшеевы, Мышенковы, Поярковы, Повалишины, Татищевы, Хрущовы, Шатуновы, Шишковы. И наконец, от эпохи освобождения крестьян, следующие двадцать пять фамилий: Апыхтины, Беликовы, Базловы, Бырдины, Бойе, Волковы, Дорошкевичи, Дивовы, Дирины, Демьяновы, Евсюковы, Жолобовы, Зандеры, Ивановы, Истомины, Кioвы, Львовы, Неведомские, Постельниковы, Ранцевы, Соллогуб, Сокольские, Трубниковы, Хилковы, Штюрмеры. Таким образом, к 1917 году по Бежецкому уезду числилось за дворянами 33034 десятины земли и 56 старых землевладельческих фамилий.

Это всё, что уцелело к нашему времени от веками слагавшихся вотчинных и поместных владений, от всего исторического прошлого бежецкого потомственного дворянства.

Примечания

1. *Овсянников*. Переписная книга Беж. Уезда 1709 г. Переписи кн. Волконского. Тверь. Изд. 1888 г. Стр. 17.
2. Архив Кожиных. Копия челобитной в рукописи 17 века.
3. *Овсянников*. Переписная книга. Стр. 9.
4. Архив Беж. У. Земского Суда. Копия имен. указа имп. Павла от 15 апреля 1798 г.
5. Архив церкви с. Диева. Ист.- арх. сведения. 1914 г., п. 4.
6. Архив церкви с. Юркина. Ист.- арх. сведения. 1914 г., п. 3.
7. Архив Б. З. Суда. Дело 1822 г. № 94.
8. Архив Б.З. Суда. Отн. Тв. Губ. Правления 1819 г.
9. Там же. Отн. Тв. Губ. Правления от 25 сент. 1825 г. № 26439.
10. Там же. Указ Тв. Губ. Правления 2 июля 1851 г. № 12948.
11. Там же. Прощение Рогова от 10 августа 1843 г.
12. Архив церкви с. Курган. Ист.- арх. свед. 1914 г., п. 4.
13. Архив церкви Вв. Дымцева. Ист.- арх. свед. 1914 г., п. 4.
14. Архив Б. У. Зем. Суда. Дело 1866 г. № 4183.
15. Архив Беж. У. З. Суда. Отн. Ст.- секретаря от 21 мая 1841 г. № 3071
16. Там же. Указ Суда от 25 ноября 1829 г. № 2019.
17. Архив Б. Предв. Двор. Отн. Губернатора № 3694.
18. Архив Б. З. Суда. Дело 1831 г. № 247.
19. Архив Б. Предв. Двор. Отн. № 156.
20. Архив Б. Предв. Двор. Отн. Комитета от 28 февраля 1861 г. № 28.
21. Архив Б. Предв. Двор. Копия отн. Пр. Двор. от 16 марта 1861 г. № 129.
22. Там же. Копия письма Глинки от 6 апреля 1861 г.
23. Павел Иванович Европеус проживал в сельце Княжево, родовом имении матери своей, урожденной Полосуховой, по второму замужеству генерал-майорши Антоновой. Собственное его поместье было в Пензенской губернии.

24. Князь Михаил Иванович Хилков – помещик с. Синево-Дуброво, впоследствии министр путей сообщения.
25. Архив Беж. Предв. Двор. Протокол собрания Бежецких дворян 1 июля 1851 г.
26. Там же. Отн. Тв. Губернатора от 30 декабря 1861 г. № 28.
27. Архив Б. Предв. Двор. Отн. Ком. От 18 мая 1861 г. № 577.
28. Там же. Отн. Ком. от 9 мая 1861 г. № 493.
29. Там же. Копия отн. от 18 сентября 1861 г. № 126.
30. Архив Б. Предв. Двор. Протокол собрания 17 января 1862 г.
31. Там же. Сведения о числе помещичьих крестьян по Тв. Губ.
32. Там же. Список дворян 1866 г.
33. Архив Б. Предв. Двор. Именной список мелкопом. дворян 1861 г.
34. -- //-- Ведомость о насел. имениях, сост. в опеке 1861 г.
35. --//-- Сведения о двор. землевл. в Тв. губ. с 1866 по 1887 г.
36. --//-- Ведомость о потомств. дворян. с 1901 по 1910 г.
37. --//-- Сведения о дворянах за 1910 г.
38. --//-- Сведения за 1915 г.
39. --//-- Копия отн. на имя Тв. Каз. Палаты от 10 сент. 1917 г. № 176.

С.Г. Петровский

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО БЫТА БЕЖЕЦКОГО УЕЗДА КОНЦА XVIII ВЕКА

Сто сорок лет тому назад, в последней четверти XVIII в. — при Екатерине Великой, Бежецкий уезд населен был значительно реже, чем в настоящее время. Во всем уезде без города, в тогдашних границах (1), значилось жителей 76807, в том числе 38192 мужчины и 38615 женщин. На каждого жителя приходилось 5,8 десятины всей земли (удобной и неудобной), а на 1 кв. версте жило 16,4 человека (2).

Как велик был земельный простор, можно видеть из сравнения с положением в настоящее время. В 1920 году, по данным Всероссийской переписи, сельское население уезда (наличное и временно отсутствующее) равняется 264124 душам обоего пола; на каждой квадратной версте живет 41,3 человека, а на каждую душу приходится уже только 2,5 десятины. В конце XVIII века в среднем по уезду население было реже, чем в настоящее время мы имеем в лесных районах. В 1920 году приходится жителей на 1 кв. версту в Трестенской волости 19,6 человека, а в Заручьевской, Добрынской, Дымцевской и Селецко-Горской вместе взятых — 18,5 человека.

Конечно, как и в настоящее время, не было равномерного рас-

пределения населения по территории. По косвенным данным (по отсутствию леса, по сопоставлению с данными X ревизии) можно предполагать, что более густо были населены места около самого Бежецка, затем, к северо-востоку от Бежецка к Краснохолмскому уезду и, наконец, прямо на восток от города к Кашинскому уезду. Здесь в середине XIX в. население жило довольно плотно; так, приходилось на 1 кв. версту в волостях Княжевской, Новской и Могочской около 50 человек, а Филиппковской, Сукроменской и Чижевской — около 40 человек. Отсюда можно полагать, что и в конце XVIII в. здесь плотность населения была значительно выше средней по уезду. На это же указывает одно замечание автора «Генерального соображения»: «Жители, жившие по близости Бежецка, также к Кашинской и Краснохолмской границе покупают строевой лес, частью же и дровяной, а более топят хворостом». Это места насиженные исстари и являющиеся западной окраиной крупного густо населенного с давних времен района, охватывающего Кашинский уезд и северную часть Калезинского Тверской губернии и переходящего в Ярославскую губернию, в уезды Угличский и Мышкинский. Кроме того, по всей вероятности, были густо заселены окрестности Замытья и Ильгощ. В этих двух волостях при X ревизии (в 1858 году) на 1 кв. версту приходилось жителей более 50, в Замытской — 50,3 чел. и в Ильгошинской — 59,6 чел.

Слабее всего была заселена западная часть уезда: Заручьевская, Трестенская и Рыбинская волости. Здесь в середине XIX в. — при X ревизии — на 1 кв. версте жило: в Заручьевской вол. — 8,0 человека, в Трестенской — 8,2 и в Рыбинской — 11,0. В двадцатых годах в Рыбинской волости на 1 кв. версту приходилось 5,0 человека. Отсюда можно предположить, что плотность населения в этом районе в конце XVIII в. вряд ли превышала четырех человек на 1 кв. версту.

Природные богатства края еще не были окончательно расшищены. Значительная часть пространства была покрыта лесом.

В 1783 году было:

— под усадьбой	5204 дес.	0,8%
— пашней	187976 дес.	27,5%
— сенокосом	57097 дес.	8,4%
— лесами и кустарником	431478 дес.	63,3%
Итого:	681755 дес.	100,0%

Мы видим, что в то время тайга еще не была вытеснена человеком. Больше 3/5 уезда было покрыто лесом — почти так же, как в конце XIX в. была покрыта лесом Олонецкая губерния, где лесная площадь в 1887 г. занимала 60,5%. Леса были старинные, вековые. Если теперь жителя подгородных волостей поражает и чарует величественность лесов Мологского лесничества, то тогда, сто сорок лет тому назад, такие леса были не редкостью. Еще значительные пространства уезда были покрыты вековыми лесами. На высоких песчаных местах красовались чудные сосновые боры с редкими, но высокими и прямыми, как свечи, соснами; на низинах и на местах с тяжелой почвой царила ель и создавала малопроезжимую глушь и чащу. Обрывки этой первобытной тайги сохранились до нашего времени. Еще не так давно опустошены корабельные Польцовские леса («Рослина» Цветова и Живаго). В настоящее время дорубаются уголки векового леса в Мологском лесничестве.

Эти два момента: 1) редкость населения и 2) богатство края лесом — накладывали свой отпечаток на всю хозяйственную жизнь уезда в конце XVIII века.

К этому нужно добавить, что это было время, когда основной фон всему русскому народному хозяйству давало натуральное хозяйство, господствовавшее в сельском хозяйстве. Это было время, когда фабрично-заводская промышленность пускала лишь первые ростки, медленно укореняясь в толще народного хозяйства. Более крупную и заметную роль играл торговый капитал, занятый главным образом скупкой сельскохозяйственного сырья. Около центров сосредоточения товаров, собираемых торговым капиталом, и около путей движения грузов натуральное хозяйство и подвергалось большому революционизирующему воздействию капитала. Но всё это давало лишь тонкие прослойки.

На хозяйственном укладе Бежецкого уезда не могло не сказываться то, что он лежал в стороне от больших торговых дорог. Водный путь с Волги к Петербургу, проходивший по Тверскому, Новоторжскому и Вышневолоцкому уездам, своими ближайшими пунктами отстоял от Бежецка: на Тверь — около 120 верст, на Вышний Волочёк — около 140 верст и на Боровичи — 170 верст. Занимая верховья Мологи и Медведицы, уезд не имел заметных водных путей. По Мологе Бежецк сносился с Устюжной, Рыбин-

ском и Ярославлем. Этим путем шел лук, один из самых старых товаров, сбываемых Бежецком. По воде же в лодках отправлялась и часть холста. Главное значение рек заключалось в том, что по ним производился сплав леса.

По уезду проходили следующие большие дороги: Вышневолоцкая, Тверская, Кашинская, Угличская, Рыбинская и Краснохолмская. Из них наибольшее значение имела Вышневолоцкая, как связывающая Бежецк с большим торговым путем – Вышневолоцкой системой. Большие дороги, проходившие по уезду, обслуживали главным образом местное население. Транзитное движение по ним было слабо. Лишь, может быть, по дороге от Кашина на Бежецк и отсюда на Волочёк или Боровичи двигались кашинские грузы – те, которые не могли двигаться водным путем. По всей вероятности этим путем шли свинина и яйца, закупавшиеся кашинскими купцами и отправлявшиеся ими к петербургскому порту.

Земледелие играло главное значение. «Жители продовольствуются своим хлебом и при том некоторую часть ржи и овса продают». Мы видели, что земли были распахано уже больше 1/4 общей площади (27,5 %). Система полеводства была трехпольная: на передних полосах паровая с навозным удобрением, а на запад и запольных участках – залежная. «Пашня делится на три поля». Там, где был большой земельный простор и обилие леса, наряду с трехпольной системой широко применялась лядинная. «В дворцовых волостях, лежащих к Вышневолоцкому уезду, по причине изобилия лесов ежегодно расчищается под пашню и под сенокос немалое число земли, на которой в первый раз сеется репа, на другой год – ячмень, на третий – рожь. Плодородие бывает против навозной земли. По снятии семи хлебов запускается пашня, и в новых местах делается расчистка». По всей вероятности, подсеки были распространены не только в западной части уезда, но и в южной и юго-восточной начиная от верховьев Мологи, приблизительно от теперешней границы Моркиногорской и Скорыневской волостей. Вероятно, что в некоторых селениях лядинная система решительно преобладала над паровым трехполем.

«Из хлебов сеется: рожь, овес, пшеница, лен и конопля, греча и горох, – но не во всех местах». «Урожайнее из всех хлебов рожь,

которая приходит вчетверо и впятеро; ячмень втрое и вчетверо; горох и пшеница — вдвое и втрое; овес — в два раза с половиной». Земельный простор позволял расширять запашку до размеров, необходимых для покрытия потребностей, поэтому население могло продовольствоваться своим хлебом.

Экономический уклад нашей тогдашней деревни может быть охарактеризован как время полного господства натурального хозяйства. Главные свои потребности крестьянин удовлетворял созданием благ в своем же хозяйстве. Со своей полосы и от своих трудов крестьянин имел и хлеб, и крупу, и горох, и масло. Одевался крестьянин в домотканое и сработанное в своем хозяйстве. «Одежда крестьянина из домашних вещей делается».

XIX век характеризуется как век господства пара. Такая краткая характеристика подчеркивает очень существенную сторону в жизни XIX века — это век господства паровой машины. Интересно, что то время, про которое мы говорим, и было началом применения паровой силы в Англии. Промышленная страна уверенно вступила на путь роста и развития техники. А наш Бежецкий крестьянин продолжал жить в деревянном веке. Изба из дерева, в избе деревянная утварь: ложки, чашки, блюда, ведра, корыта,

решета, кадки и т.д.; из дерева же значительная часть орудий: бороны, лопаты, вилы, цепы, телеги, сани. Железный гвоздь — редкость и большей частью заменяется деревянным. Дерево же дает освещение: по вечерам и длинным зимним ночам горит в избе дымная лучина.

Конечно, производственная деятельность в своем хозяйстве не покрывала всех потребностей. Как ни просты они были, однако приходилось прибегать к содействию других хозяйств. Нужно было содействие кузнеца, чтобы наладить соху, наварить сошники, приготовить палицу; нужна была работа бондаря, чтобы приготовить ведра, кадки, ушаты, шайки и т.д.; нужны были: красильщик-набойщик, чтобы окрасить холсты и приготовить набойку; овчинник, чтобы выдубить овчины; шерстобит, чтобы перебить шерсть; пимокат — валяльщик, чтобы скатать сапоги; портной, чтобы сшить хотя бы и из домотканого сукна праздничный кафтан или из своих овчин полушубок.

Все эти ремесленники входили в непосредственное общение с потребителем или у себя на дому, или в его избе, или на базаре и ярмарке. Некоторые ремесленники, как например: шерстобиты и валяльщики, портные, сапожники — были бродячими. Другие, как например: кузнецы, столяры — работали у себя на дому или в мастерской, обслуживая свой район.

Кустарный промысел как промысел, при котором предмет изделия изготавливается на широкий рынок и попадает в руки потребителя не непосредственно от производителя, в то время в Бежецком уезде не имел еще серьезного значения. «Бежецкие крестьяне более всего прилежат к хлебопашеству, а потому и промыслов мало имеют». «Жители экономического села Кушалина целою волостью работают берды и оные развозят в дальние и ближние города». «Женщины упражняются в тканье холстов. Крестьянка прилежная нарядет в зиму 50 арш. и продаст онога на 3 и 4 рубля». Последний промысел вряд ли можно назвать кустарным. Здесь скорее продажа остатков от производства, имеющего своей целью покрытие домашних потребностей.

Часть населения занималась извозом, главным образом перевозкой грузов из Бежецка в Вышний Волочёк и Боровичи.

В лесных районах «крестьяне имеют звериный промысел и продают кожи: медвежью от 5 до 8 рубл., волчью от 2 до 3 рубл.,

лисью от 1 рубля до 2, язвичью от 79 коп. до рубля, беличьих десятков от 30 до 40 коп., кунью от рубля до 1 р. 50 к., рысью от 10 до 15 рубл.».

Конечно, имело место и лесное «заделье»: рубка и возка леса, заготовка дров. Лес шел частью в Бежецк и пригородные селения, а главным образом сплавлялся по Мологе в Волгу. По всей вероятности, широко были распространены выкурка дегтя и скипидара и углежжение.

Отход в Петербург и Москву и другие города, очевидно, не играл еще серьезного значения, так как об этом совершенно не упоминается.

В соответствии с общим экономическим укладом уезд слабо был охвачен торговым оборотом. В деревне торговля носила главным образом ярмарочный характер. В определенных пунктах, бывших экономическими центрами для своего района, по нескольку раз в год происходили ярмарки, на которые съезжалось и сходилась население окрестностей, вынося на продажу всё, что можно было отчудить. Крестьяне вывозили хлеб, масло, шкуры, скот, холст и т.д. Ремесленник выставлял свои изделия. Сюда же являлся скупщик, в большинстве случаев приезжавший

также с товаром для обмена. Ярмарки обычно происходили в селах во время храмовых праздников. Сохранились указания на ярмарки: «...в с. Теблеше марта 17, в экономическом селе Белом марта 25, июля 20, в дворцовом селе Прудове июня 24, ноября 8, экономического ведомства в селе Молокове июля 5, сентября 25 и на 4-й неделе Великого поста в среду, в с. Поречье мая 7 и июля 8. На сии ярмарки приезжают купцы из Кашина, Углича, Калязина, Ярославля с разными шелковыми платками, кумачами, с медными и оловянными вещами, с рыбою, с сапогами и шерстяными чулками». Конечно, приведенное перечисление ярмарок не нужно рассматривать как исчерпывающее.

Пока у нас еще нет данных, чтобы определенно сказать, были где-либо или нет в уезде, вне города, постоянные торговые предприятия – лавки. Во второй четверти девятнадцатого века выдвигаются как торговые пункты такие села, как Замытье, Молоково и Поречье. Здесь происходят еженедельные базары, имеются лавки, харчевни, постоянные дворы. Однако без подтверждения документальными данными нельзя утверждать, что это имело место, хотя бы и в меньшей степени, и в последней четверти XVIII в. Пока можно лишь отметить как пункты постоянного торгового оборота харчевни, разбросанные по дорогам, и кабаки, бывшие в более заметных, крупных селах.

Главным торговым пунктом был Бежецк. В то время это был небольшой городок, с 3092 жителями (в том числе 1518 мужчин и 1674 женщины). Главными предметами торговли было сельскохозяйственное сырье. «В Бежецке купцов, производящих гуртовой (оптовый) торг, 29 семей, которые скупают в городе и в окрестных городах хлеб, сало, кожи, холсты, возят до Борович сухим путем, а оттуда отправляют водой к Петербургскому порту». «Купцов, торгующих в лавках и в розницу, считается 71 семья; торг их состоит: в хлебе, пище, золотых позументах, шелковых, бумажных, шерстяных и нитяных материях, в разной посуде, напитках и прочих съестных припасах».

На Бежецкую годовую ярмарку, происходившую в течение пяти дней с 30 июня, приезжали купцы «из Москвы и Углича с серебряными для образов окладами и перстнями, из Ярославля с мелочными медными крестьянскими и оловянными вещами; из

Торжка, Кашина — с шелковыми материями и кожами, из Тихвина и Калязина — с железными косами и сковородами, из Красно-го Холму — с шерстяными товарами».

Промышленность фабрично-заводского типа имела ничтожное значение в жизни уезда. Работало три винокуренных завода с 43 рабочими, да у помещицы Кожиной был стекольный завод с 7 рабочими — вот и все фабрично-заводские предприятия. Всё это принадлежало помещикам и опиралось исключительно на труд крепостных.

Крестьян в тогдашних границах уезда было 37082 души мужского пола в том числе:

помещичьих	12681 муж. душ.	12748 жен. душ.
экономических	18847 муж. душ.	19223 жен. душ.
дворцовых	5554 муж. душ.	5676 жен. душ.

«Крестьяне по имуществу их разделяются на две степени: дворцовые почестья могут богаче, по причине изобилия в пашне, в лесе и других угодьях, с которых получают они продажей хлеба, скота и прочего до 30 рублей и более; экономические крестьяне если в избытках с ними не равняются, однако живут достаточно, ибо имея грунт изо всех земель уезда лучший и земли более положенной пропорции, сеют довольно хлеба и оный продают, а при том, отвозя в Боровичи и Вышний Волочек купецкий хлеб, получают денег с излишеством на свое продовольствие. Помещичьи крестьяне посредственного состояния, однако, продавая несколько хлеба, скота, масла, холста и прочего, получают до 10 рублей и сами деньгами обще с приобретенными припасами без всякой нужды надобности свои исправляют». «Посредственный крестьянин содержит: двух лошадей, двух коров, подтелка или теленка, одну овцу, двух свиней и до 10 кур».

Пока, за отсутствием материалов, приходится оставлять в тени более детальное выяснение положения крестьян. Особенно важно было бы выяснение экономического быта крепостных.

В то время в Бежецком уезде было 208 помещиков, владевших разным количеством душ. Часть крестьян была на изделье, т. е. выполняла барщину, и обычно «крестьяне работали с осьмака пополам, т. е. один работник ходил на барскую работу, а другой

всегда оставался дома». Некоторые имения были на оброке. По свидетельству «Генерального соображения», оброчные по большей части платили с венцов, а не по душам, у некоторых помещиков от 7 до 9, у других от 5 до 7 руб.

Примечания

1. В конце XVIII в. северная часть современного Бежецкого уезда входила в состав Краснохолмского.
2. Площадь уезда взята по данным автора книги «Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 г.». «По нынешнему обмежеванию считается в уезде удобной и неудобной земли 448330 дес.» (стр. 65).

С.Д. Синецын

ТЕБЛЕШАНЕ

При слове «Тebleши» в представлении жителей нашего Бежецкого края рисуется картина чего-то дикого, заброшенного, обособленного. Такое мнение о Теблешском крае, укоренившееся среди местных жителей с давних пор, еще и по сей час имеет под собой некоторые основания, а в прошлом эти основания были более прочны и устойчивы.

Теблешская волость в сравнительно недавнее время была еще почти сплошь покрыта густыми, еле проходимыми лесами, наиболее сгушавшимися в восточной ее половине. Среди этих лесов, по обеим сторонам наиболее крупной в волости реки Теблешки, длинной, узкой полосой располагались теблешские деревни, и в этом месте сгруппировались почти две трети или даже более всех теблешских поселений, образуя собою как бы оазис, окруженный со всех сторон стенами обширного леса, отделявшими его от всего остального мира и защищавшими его обитателей от чуждых влияний, распространяемых окрестным населени-

ем. Живя здесь, теблешане удивительно долго сумели сохранить черты характера, быт и язык своих отдаленных предков, сумели сохранить их до сих пор, в то время, как всё остальное население уезда давно уже отрешилось от быта отцов, усвоив себе верхушки новой, городской культуры, и среди этой обстановки теблешская «серость» выделяется выпукло и ярко.

В состав Теблешской волости при дореволюционных границах входило 36 селений; ныне же, с перекройкой волостных границ и с образованием новых волостей, их насчитывается только 32, а четыре селения с жителями, резко отличающимися от теблешан, выделились в особую волость во главе с селом Восново. Внутри своих официальных административных границ волость неофициально в представлении самих теблешан делится на две части: из них западная — «Заселье» — представляет собою малолесистую равнину, а восточная — «Копырево», — наоборот, является наиболее лесистой местностью. Нам удалось вести кратковременные наблюдения лишь в шести селениях, расположенных на западном конце вышеупомянутого оазиса: с. Теблеша, деревни Козлово, Житиши, Столбово, Дуброво и Нивы.

Что же представляют собою жители этих мест? Каковы их нравы, обычаи, быт и т.д.? Материалом к ответу на эти вопросы и будет дальнейшее изложение.

Прежде всего, язык теблешан. Язык теблешан является по настоящее время довольно своеобразным в нашем Бежецком крае, довольно резко отличающимся от языка окружающего населения, который очень близок и даже почти одинаков с языком городских обывателей. В их говоре сохраняется что-то древнее, старорусское; их выговор с некоторым равнодушием к «О», их постоянное смешение «Ч» с «Ц» и, наоборот, «Ц» с «Ч» (цай, черковь), смешение «И» с «Ы» (грыб), произношение «У» как «Ю» (юлица, рюшить), употребление в третьем лице множественного числа настоящего времени мягкого окончания (идуть, зовуть), стремление выбросить в иных случаях из слова гласную букву (Лексей), а иногда, наоборот, вставить лишнюю букву (середа, четверик), прибавление к словам частичек, не имеющих особого значения (мне-ка, бать, тко, те и т. д.), употребление слов, имеющих старорусское происхождение (семянник, онодысь, облыжно), — всё это говорит за родственность их языка с языком обывателей старой Руси.

К сожалению для наблюдателя, в настоящее время говор их начинает резко меняться, и элементы старины из него постепенно и бесследно исчезают. Особенно быстро исчезает, сглаживается характернейшая особенность их языка — смешение «Ч» с «Ц». Из-за этого смешения среди самих теблешан идет упорная скрытая борьба: большая часть мужского населения, перебывавшая в Петрограде (а туда до войны и даже до самой революции из волости уходило ежегодно до 3000 человек), сильно восстает против «цоканья» и стремится искоренить его в своем родном крае, но постоянно встречает на своем пути препятствия в лице теблешских женщин, безвыездно живущих

в своем уголке и крепко держащихся за наследие отцов.

Вообще, как в языке, так и во всем остальном между теблешскими женщинами и мужчинами наблюдается глубокое различие. Мужчины, как люди более или менее приобщившиеся к городской культуре, смотрят на все пережитки старины, сохранившиеся в их волости, как на бабьи причуды, с явно выраженной иронией; женщины же, наоборот, строго следуют заветам предков,

соблюдая все обычаи, идущие от седой старины, хотя сути многих из них они совершенно не понимают и не могут их объяснить, а соблюдают только потому, что заведены они с давних пор и что «не нам их менять». В результате такого антагонизма, существования в одном организме старого и нового начал новое всё же постепенно побеждает, шаг за шагом вытесняя своего соперника — старину, а последняя бесследно уходит в область преданий.

Вот, например, каковы перемены, происшедшие со свадебным обычаем за последние 15–20, а может быть, и менее лет. Свадебный процесс в прежнее время совершался следующим образом: родители девушки, которую надо было выдавать замуж, заранее присматривали ей жениха, затем шли к родителям его с «набиваньем», т. е. с предложением породниться; если последние

были согласны на их предложение, то «набиванье» быстро же кончалось разговорами о приданом и назначением «смотрин». «Смотрины» происходили при самой торжественной обстановке. Родители невесты прилагали все усилия, чтобы, что называется, «не ударить лицом в грязь» и не осрамиться своим убожеством перед жениховой родней: приготавливали самые лучшие яства, варили наилучшие пития и т. д. и т. д., невесту наряжали в самое лучшее платье, какое только у нее имелось. На смотрины вместе с родителями жениха являлась и вся родня с его стороны, и здесь, среди множества народа, жених и невеста зачастую виделись перед свадьбой первый и последний раз, не успевая иногда вымолвить ни слова друг с другом. Тотчас же после смотрин обычно назначался день свадьбы, накануне которого у невесты происходил девишник, на котором присутствовала вся ее родня, подружки и сват с жениховой стороны. В день свадьбы свадебный поезд отправлялся из дома жениха и состоял из четырех подвод. На первой садился сам жених (князь) и сват, на второй — «дружки», на третьей — «бары» и на четвертой — «бочарник» с бочкой пива, которым угощались по пути следования поезда все встречные (пиво из экономии употреблялось для этой цели самое плохое). Из дома жениха поезд направлялся к невесте, где все поезжане, за исключением жениха, закусывали и пили чай; затем дружек дарили полотенцами, которые повязывались им через плечи, и поезд после этого направлялся дальше, в церковь, причем на второй лошади сидели уже не дружки, а невеста (княгиня) с бочарником, а первые ехали позади их. После венчанья, церемониал которого нам, к сожалению, проследить не удалось, все ехали в дом жениха, где к их приезду уже было приготовлено: по полу избы была разостлана солома (для чего, теблешане сказать не могли), приготовлено жито, которым осыпали молодых при входе в избу (очевидно, ради их богатого житья), а на пороге уже стояли родители новобрачных с иконами и хлебом, готовые дать благословение. По прибытии молодых начиналось свадебное пиршество, продолжавшееся целый день и на другой день переносившееся в дом невесты, куда перебирались и все гости.

Теперь свадьба теблешан в корне изменилась: вывелось почти окончательно набиванье, и сближение будущей четы происходит уже без вмешательства родителей; смотрины потеряли значение

смотрин в буквальном смысле этого слова, где жених и невеста впервые встречаются перед свадьбой, и приняли убогую, карикатурную форму, сделались обыкновенной пирушкой, где можно лишний раз на славу угоститься; исчез бесследно институт бочарника в свадебном поезде и уже редко происходит угощение поезжан в доме невесты; сохранился лишь более или менее полнотой девишник.

Таковы в общих чертах перемены в свадебном обычае, происшедшие за последние 15–20 лет, таковы результаты борьбы старого и нового начал. К сожалению, нам не удалось узнать о прошлом других обычаев и на основании этого провести аналогию с тем, что существует сейчас, а потому придется перейти сразу же к описанию современного быта и нравов теблешан.

Теблешане суеверны. Среди них сохранилось множество примет и суеверий, связанных со злым духом, нечистой силой, лешими и т.д., хотя эти суеверия они всячески стараются скрыть; и здесь, в этом скрывании, опять-таки, вероятно, сказывается влияние современной культуры. Новые понятия, проникшие в их среду, заставили их сомневаться в правоте своих старых воззрений, но, не убив их окончательно, оставили теблешан на распутье, в тяжелом раздумье: «верить или не верить?». И наружно они, пожалуй, показывают вид неверия, но внутренне преисполнены всякими страхами перед миром неведомых духов.

Случайно нам удалось слышать разговоры детей в д. Житищи о леших, которые, по их рассказам, живут в лесах, страшные, косматые и с рогами; они не любят, когда их видит человек, а потому постоянно прячутся за деревьями, видеть их можно лишь случайно. Когда дети говорили об этом, лица их были до крайности серьезны, а в глазах выражался неподдельный страх. Очевидно, что они слышали подобные рассказы от взрослых.

Что же касается примет, которые во множестве существуют у теблешан, то некоторые из них нам приходится наблюдать лично, и все они связаны с верой в «хитрых» людей, в которых вселился «хитрый» дух. Эти люди стараются всячески вредить простым смертным, и недогляди они, забудь необходимые предосторожности — глядь, а уж хитрый человек тут как тут и напортил, да напортил так, что нескоро и исправишь. Хитрые люди пользуются всем ради своих злых деяний: продает ли теблешанка молоко или

покупает теблешанин корову — хитрый человек всегда тут как тут, около них, и всё смотрит, как бы схитрить. Но теблешане уже привыкли к таким людям, они приспособились к ним и нашли средства противодействовать их штукам. Средств у них достаточно; почти на каждый житейский случай есть особая примета, которая дает возможность отделаться от неведомого вмешательства.

При продаже молока у них, например, существует следующая примета: хитрый дух может поселиться в руках покупателя; когда продающий берет в руки кринку с молоком непосредственно из рук хозяйки, хитрый дух незаметно может перехватить из ее рук весь скоп, и молоко после этого у нее вестись не будет. Чтобы предупредить такой случай, теблешанка никогда не передаст покупателю кринки из рук в руки, а обязательно поставит ее на что-нибудь: на стол, лавку или просто на пол и заставит взять ее только оттуда; благодаря такой предосторожности, скоп никогда не уйдет из рук теблешанки, а всегда будет оставаться при ней. То же самое приблизительно делается и при продаже лука: чтобы лук и в дальнейшем велся у прода-

ющего, нужно часть его, хотя бы 2-3 луковицы, обязательно оставить у себя, не передавать покупателю, иначе, без этой меры, весь он может попасть в хитрые руки и не пойти у продавца на долю. При покупке скота — подобная же история, но в обратном порядке; тут риску поддается уже не продавец, а покупатель. Может случиться так, что в продавца вселится хитрый дух и подскажет ему, что нужно повредить покупателю;

для этого стоит ему только незаметным образом «обшаршайть» (как выражаются теблешане) соломой продаваемую скотину, и покупатель уже обречен с покупкой на неудачу. Никаких особых противомер теблешанами в данном случае не найдено, и единственно, что нужно иметь, по их мнению, для предотвращения такого колдовства — это наблюдательность и зоркость.

Нужно зорко следить за всеми движениями продавца, за всеми его действиями, и если его проделка с «обшарашиванием» будет замечена, бояться ее нет смысла, она все равно не будет иметь никакой силы.

Можно было бы, вероятно, подметить бесконечное множество подобных суеверий, но для этого необходимо долгое систематическое наблюдение, а при том коротком промежутке времени, в продолжение которого велись наши наблюдения в Теблешах и при крайней скрытности теблешан больших результатов достигнуть не удалось.

Более твердо держатся среди теблешских обитателей и более ярко выражены их суеверия, связанные с празднествами и с играми — это святочные гаданья. Их, по-видимому, теблешане знают очень много. Из разговоров с молодежью нам удалось уяснить три вида гаданий: гаданье на проруби, гаданье на гребне и гаданье на хмельнике. Они состоят в следующем: гадающие (девушки) выходят на пруд, к проруби, вынимают оттуда камни и смотрят, какой камень им достанется; если камень гладкий, хороший, то и жених у девушки будет статный, красивый, если же, наоборот, камень некрасивый, рябой — и жених убогий будет. Приблизительно в том же состоит и гаданье на гребне: на ночь гребень вывешивается за окно; наутро гадающая девушка снимает его и смотрит, какой волос навис на нем, и каков волос, таков и жених будет, а если совсем волоса не окажется на гребне, то, значит, не судьба девушке выйти замуж в предстоящем году. В гаданье на хмельнике принимает участие вся молодежь — и девушки и парни, — и происходит оно так: выбирается на хмельнике место, очерчивается чертой, и гадающие гуськом обходят его кругом три раза, приговаривая: «Черти, дьяволы, скажите всю правду», — после чего ложатся в кружок ухом к земле и слушают, что им послышится, того надо ждать. Плач послышится — несчастье ждет; смех услышат — радость будет; колокольчики зазвонят и топот конский раздастся — свадьбе быть, а если пенье погребальное — не миновать умереть. Таковы святочные гаданья теблешской молодежи.

Теперь вообще о праздниках теблешан. Праздников у них много; во время наших кратковременных наблюдений они в разных концах своей волости праздновали четыре праздника: Скорбящую, 9-ю пятницу, 10-пятницу и Иванов день, причем праздно-

вали, что называется, «во всю», проявляя в этом праздновании всю широту их русской натуры.

К праздникам начинали готовиться заблаговременно, производя различные закупки и варку пива, которого в каждом доме варилось до 20–30 ведер, а накануне праздника хозяйки начинали готовить закуски, печь «клюбаки» (ватрушки), прибираться в избах и т.д. Самый праздник, т.е. праздничное гулянье, начинался с раннего утра. Часам к 9–10 к деревне, в которой был праздник, начинали группами человек до 10 подходить крестьяне из окрестных деревень, за ними несколько позднее шли такими же группами жители отдаленных селений; шли с разных концов волости, шли иногда, как рассказывают теблешане, целыми деревнями, и шли праздничные, нарядные: мужчины, облаченные в «тройки» городского покроя, а женщины в своих ярких, пестрых своеобразных нарядах. Придя в деревню, быстро рассасывались по избам; у кого были родственники — шли к ним, а у кого таких не было — заходили в первую избу и там получали по кружке пива. Отведав пива в одной избе, шли в другую, из другой в третью, всюду встречая радушный прием и получая по кружке пива. К полдню заметно повеселевшая публика вся выходила на улицу, и тут начинался самый разгар веселья. Здесь и там раздавались звуки гармоники, откуда-то доносились песни захмелевших старух, молодежь, большими партиями гуляя по деревне, распевала свои бесконечные «прибирушки», кое-где начинались удалые теблешские пляски.

Между прочим, на пляске необходимо остановиться несколько подробнее, так как в пляске отражается порой вся душа теблешанина, так как пляска является его любимым развлечением. Пляшут теблешане все без исключения, начиная с малых ребят и кончая дряхлыми старухами. Пляшут один танец — «русский», но пляшут до бесконечности разнообразно, каждый раз выдумывая новые и новые колена. Их выдумывает сам танцор, или «плясец», как называют теблешане, и выдумывает в процессе самой пляски, так как пляшет не механически выкидывая то или иное колено, а вкладывая в движения свои душевные переживания. Во время пляски он является своеобразным творцом, своего рода неподражаемым художником. У теблешан создалось даже нечто вроде спорта, соревнования в танцах: каждый плясец старается

найти новые движения, выдумать новые, замысловатые колена и этим забить своего соперника. Теблешане очень любят говорить о пляске; они могут без конца рассказывать о своих знаменитых плясках, об их манерах и т.д., и на основании их рассказов можно заключить, что среди них находились подлинные виртуозы, являвшиеся в глазах теблешан их местными национальными героями. Довольно хорошие плясцы существуют среди них и в настоящее время, и они-то начинали первые пляску на праздниках. К ним присоединялись другие, посредственные плясцы, а за ними выступали уже все, кто хотел танцевать, и скоро вся деревенская улица почти в буквальном смысле слова плясала.

К вечеру, в виде неизбежного прибавления к каждому празднику, исходила драка, и драка довольно солидная, очень часто кончавшаяся убийствами. Дрались преимущественно одиночки, но иногда происходило и довольно значительное побоище, в котором принимали участие целые группы крестьян, представители различных местностей, на которые делится волость, — Копырева и Заселья. Конец праздника всегда представлял собою тихую, мирную картину: в разных концах деревни лежали спящие гости, кое-где раздавались отрывки песен, да изредка, пошатываясь, проходили солидные, иногда даже совсем дряхлые супруги, мирно делясь впечатлениями дня.

Таковы большие теблешские праздники, началом которых и основным моментом является хорошая выпивка. Правда, выпить теблешане любят и без праздника. Пиво и самогонка — это их страсть, и, что всего любопытнее, равнодушием к выпивке страдают одинаково как мужчины, так и женщины. Не раз приходилось слышать от теблешских женщин такую фразу: «Поднеси-ка мне кашечку самогоночки — уж я тее нацудородю», причем, выпив, «цудородили» действительно до крайних пределов, и это их «цудородство» подчас принимало грубую, циничную форму. Вообще циничность и грубость является отличительной чертой всех теблешан: очень часто из уст даже молодых девушек можно слышать такие выражения, которые иной подгородний крестьянин постесняется громко высказать, а что касается мужского населения, то о нем не приходится и говорить — оно грубо и цинично до крайности, и эта грубость является неотъемлемой частью его души, необходимой принадлежностью его жизни. Часто приходилось слышать, как отец учил своих детей всевозможным

формам брани, брани самой грубой и пошлой, исходя из того соображения, что это всегда пригодится в жизни, так как без брани не проживешь, а уж если браниться, то браниться надо как следует.

Принцип «делать — так делать по-настоящему» усвоен теблешанами вполне, и им они руководствуются на каждом шагу своей жизни. На основе этого же принципа построены и их семейные взаимоотношения. Семьи теблешан, немногочисленные по своему составу, являются крепкими и мощными организациями, сильными тем единодушием, которое в них царит. Как редкость можно встретить среди них семью, изнутри разъедаемую всевозможными несогласиями и распрями, и про такую семью теблешане пренебрежительно говорят: «Ну разве это дом?! Ни глазу, ни согласу нет». И неизбежной участью такой семьи почти всегда бывает ее полное разложение, распад, вслед за которым часто следует образование двух или более новых семей, которые на первых же порах стремятся поставить внутренние свои взаимоотношения на твердую почву. По большей части семья теблешан состоит из двух глав: мужа и жены — и их детей, которые с возрастом, по выходе замуж или женитьбе, также отделяются от родительской семьи и живут каждый свои домом.

Общий порядок жизни теблешской семьи очень однообразен: он представляет собою сегодня повторение того, что было вчера, завтра — того что было сегодня, и заключает в себе однообразное чередование работы, еды и сна; только праздники, когда вся воля предается буйному веселью, нарушают это однообразие.

Такова жизнь, таковы быт и обычаи жителей Теблешской волости.

Теперь остается сказать несколько слов об их поселениях и постройках, без которых настоящее неполное сообщение показалось бы еще более неполным.

При беглом осмотре теблешской деревни глаз поражается абсолютной правильностью расположения в ней всех родов построек, строгой выдержанностью определенного плана, стремлением к симметрии. По обе стороны деревенской улицы тянутся ряды жилых построек — изб, очень близко прилегающих друг к другу и иногда даже соприкасающихся своими крышами; избы вытянуты по прямой линии от одного конца деревни до другого, и редко-редко можно встретить избышку, которая нарушила бы правильность линии, вдаваясь вглубь усадьбы или выдвигаясь

вперед. Вслед за жилыми избами, позади их саженях в 30, по такой же прямой линии располагаются зернохранилища (амбары) и сараи для сена, а за ними, еще дальше вглубь усадьбы, саженях в 35–40 от второй линии построек, тянется лента риг и овинов. При беглом взгляде на такую деревню издали получается впечатление миниатюрного города с прямыми, сквозными улицами. Около каждого домика раскинуты небольшие садики, площадью немного более одной квадратной сажени; тут же рядом с садиками устроены так называемые «погреба» (срубы, засыпанные землей и крытые дерном), предназначенные для хранения ценностей от пожара и почти около каждой избы — колодец, как журавль, тянущий в высь свою голову.

Постройки свои теблешане возводят из дерева, преимущественно из сосны или ели, крыши устраивают драничные или соломенные (последние при возведении новых построек начали преобладать, что является результатом недостатка гвоздей). По внешнему своему виду жилые постройки теблешан представляют собою миниатюрные избышки, аршин 10 в длину по фасаду и аршин 12 в глубину усадьбы. Непосредственно к задней части избы или к одной из боковых стен ее примыкает хлев, или «омшанник», как иногда называют его местные жители; он устраивается под одной крышей с избой. Окна у изб проделываются в стене, выходящей на улицу; преобладают постройки в три окна; размер окон небольшой: около 1 1/2 арш. в высоту и 3/4—1 арш. в ширину; окна створчатые, встречаются иногда волоковые; с наружной стороны избы окна украшаются резным и расписным орнаментом. Вход в избу устраивается преимущественно с одной из боковых сторон; дверь проделывается на некоторой высоте над землей (около 1 1/2 арш.), и к ней пристраивается лестница в 4–5 ступеней; часто устраиваются крыльца весьма характерные по своему виду, напоминающие собою крыльца старорусских теремов. Крыша двускатная и, как уже говорилось, драничная или соломенная.

Внутри изба (жилая ее часть) представляет собою одну комнату; в задней стене ее проделывается дверь — это вход в избу из сеней; направо или налево от двери, в углу, устьем к окнам, складывается печь; она делается из кирпича, а иногда из глины и устраивается на деревянном основании, на местном наречии называемом «опечком». К одному боку печи пристраивается

голбец. На одном уровне с поверхностью печи устраиваются обширные полаты. Вокруг избы, по стенам тянутся широкие, неподвижно прикрепленные скамьи, а в красном, переднем углу, который находится всегда в противоположном углу от печи, стоит стол, единственный во всей избе. По стене, к которой примыкает печь своим боком, устраиваются полочки и шкафчики, где хранится всякая посуда. Изредка можно встретить избу, разделенную перегородкой на две половины: одна половина избы, более обширная, в таком случае называется прихожей или просто избой, а вторая, меньшая, с печью, носит название чулана. Избы зимние и летние встречаются как редкое исключение.

О внутреннем убранстве своего жилища теблешане мало заботятся; в нем не встретите вы ни одной светской раскрашенной картинки, ни даже плохой олеографии из какого-нибудь журнала; только один передний угол завешан картинками духовного содержания.

Из избы дверь ведет в сени, или на «мост», как называют теблешане, откуда идут ходы на улицу и в хлев. Прямо против двери из избы устраивается так называемый «сельник», представляющий не что иное, как клеть для хранения разного домашнего скарба; под сельником расположена подклеть, предназначенная для хранения скоропортящихся продуктов и заменяющая собою ледник; вход в нее делается из хлева.

Вот то небольшое, что нам удалось собрать в Теблешской волости и что всё же отчасти характеризует духовный и материальный быт теблешан.

Д.А. Золотарев

Этнографический состав населения Бежецкого уезда

**По материалам Этнологической экспедиции и Комиссии
по изучению племенного состава населения
России при Академии наук**

Бежецкий уезд Тверской губернии представляет в этнографическом отношении особый интерес как уезд Центральной России, в котором до сих пор сохранилось 18% нерусского населения, вкрапленного в основную великорусскую народную массу.

Существование чуждых этнографических элементов в различных великорусских губерниях, даже почти сплошь населенных русскими, неудивительно, так как пространство, занятое великорусами, до проникновения сюда славянской колонизации было заселено разными, главным образом финскими, племенами. Живые остатки чуди, мешеры, мери и других известных нам племен местами сохранились до настоящего времени. Местами

лишь особенности антропологических типов или географические названия напоминают нам об отдаленных предках современного населения.

Бежецкий уезд, как и вся Тверская губерния, в далеком прошлом также был заселен финскими племенами, но они до нас не дожили в Тверской губернии. Лишь археологические, антропологические и исторические данные, народная память, «сопки» и названия многочисленных рек, урочищ и поселений определенно указывают на финское происхождение предшественников русского населения в Бежецком уезде.

Во всяком случае, 18% нерусского населения в уезде не являются потомками древнего местного населения. Современное нерусское население Бежецкого уезда – карелы принадлежат также к финской группе народов, но совершенно не связаны с древним населением губернии, а есть не кто иной, как пришлый элемент, сравнительно недавно влившийся в народную среду, сложившуюся в однородную великорусскую массу в отдаленном прошлом. Карелы – лишь недавние пришельцы, выделяющие в настоящее время Тверскую губернию из ряда ближайших почти сплошь русских губерний. При этом Бежецкий уезд из других уездов Тверской губернии выделяется как по количеству карел, так и по густоте населения и, может быть, даже по большей давности заселения карелами.

Карелы, относящиеся к западной ветви финского племени, свою исконную территорию имели на пространстве от устья Северной Двины на запад вдоль Беломорского побережья, к югу – в западной части Олонецкой, Выборгской, Куопиоской и северной части Петроградской губерний. Отодвигаемые позднейшей русской колонизацией, карелы сосредоточились главным образом в Кемском уезде Архангельской губернии, в Повенецком, Петрозаводском и Олонецком уездах Олонецкой губернии (современная Карельская трудовая коммуна), Петроградском и Шлиссельбургском уезде Петроградской губернии, в Салминском Выборгской губернии и других прилегающих местностях Финляндии. Но если здесь находится Карелия, то не здесь в настоящее время живет большинство карельского населения. По данным недавно умершего статистика Д.И. Рихтера, опубликованным в 1904 г., из 260000 карел было в Петроградской губернии 5–6 тысяч, Архангельской – 20000, Новгородской – 40000, Олонецкой – 63000 и Тверской – 132000 (1). Кроме того, незначительные группы

карел рассеяны в Ярославской, Смоленской, Владимирской, Тамбовской, Калужской и Вологодской губерниях. Как видно из приведенных данных, места новых поселений – Новгородская и Тверская губернии, сохранили больше карел, чем их осталось на родине.

Когда началось переселение карел в Центральную Россию, в частности в Бежецкий уезд, мы вполне точно сказать не можем. Автор статьи «Карельская колонизация Тверской губернии» полагает, что переселение карел относится ко времени вскоре после 1353 года, когда особенно сильно свирепствовала «черная смерть» (2). Едва ли данное предположение основательно, так как указания на «черную смерть», после которой появились карелы, может быть отнесено и к более позднему времени. Существуют также указания на поселение карел в Бежецком уезде при Иване Грозном, после войны со шведами. Но массовый характер карельская колонизация приняла лишь в XVII веке в связи с исключительными явлениями в жизни Тверского края и Карелии.

Конец XVI и начало XVII веков были в русской истории тем исключительным периодом, который произвел необычайные изменения и оставил глубочайшие следы в народной жизни. Современникам пришлось вынести на себе все ужасы междоусобицы, государственной и экономической разрухи, войны, смутного времени, голода, моровой язвы и других стихийных бедствий, обычных спутников безвременья. Бежецкий край и Карелия, не являясь центром исторических событий, не могли избежать их отражения и воздействия. Естественно, что они очень сильно от-

разились на составе и движении населения Бежецкого края и могли вызвать интересующую нас карельскую колонизацию.

В западной части Бежецкого уезда, где теперь живут карелы, в XVI в. находились новгородские погосты

Бежецкой пятины. Судя по Писцовым книгам 1545 и 1551 годов, весь этот край в половине XVI в. был густо населен русскими (3). В районе современных Трестенской, Толмачевской, Залазинской и Кострецкой волостей количество населенных мест было больше, чем в настоящее время. Так, в погосте Михайловском Тростне было: три сельца, 367 деревень, 15 займищ, 842 жилых двора, 21 двор пустой и в них 885 человек взрослого мужского населения. В погосте Ивановский Заручек было 100 деревень и в них 228 человек. В погосте Никольском Забрусье, кроме села Толмачи, 139 деревень, в которых 279 жилых дворов и 282 человека взрослого мужского населения. В конце XVI в. мы видим совершенно иную картину. Разгром Новгорода Иваном Грозным и внутренние неурядицы сильно отразились и здесь. Очень много населенных мест превратилось в «царя и великого князя порозжие земли». Население частью было перебито, частью разбежалось. В упомянутых погостах видим полное опустошение. Так, в Михайловском Тростне жилых селений осталось всего 7, зато пустых 545. В Ивановском Заручке жилых поселений совершенно не осталось. В Никольском Забрусье осталось 6 жилых селений (4). Если к этому прибавить, что позднее Бежецкий край испытал на себе дальнейшее воздействие смутного времени, литовского разорения и сопутствующих бедствий вроде сильнейшей «черной смерти» (моровой язвы), то можно себе представить, какие возможности для колонизации представлял опустелый Бежецкий край в первой половине XVII в.

Он должен был привлечь внимание правительства, вынужденного вновь призывать его к жизни, и обездоленного населения других районов, искавшего себе пристанища. Таким несчастным населением, попавшим волею судьбы в круговорот неблагоприятных исторических событий, были карелы.

Для Карелии конец XVI и начало XVII веков были необычайным испытанием и бедствием. Неоднократные нападения шведов, пользовавшихся ослаблением русской государственности под влиянием смутного времени, а также набеги русских грабительских шаек разоряли и опустошали Кемский и Ладожский районы. После похода шведского полководца Делогарди в 1580 году по берегам Ладожского озера в Карельском уезде население сохранилось лишь в 440 дворах из 4041. Население — православные карелы — частью погибло, частью бежа-

ло в Россию. Хотя по Тявзинскому миру 1595 года Карельский уезд был возвращен Московскому правительству, шведы, вскоре вновь начав военные действия, овладели в 1611 году уездом. Одновременно с этим со стороны России в Карелию проникли польско-литовские шайки, которые в 1612 году разорили весь Олонецкий край. Оставшиеся в живых карелы бежали в русские пределы. «В нынешнем Эвряпяском уезде, — говорит В.П. Крохин, — в 1613 г. из 1141 двора было пустых 949. Православное карельское население некоторых приходов, как например нынешних Иукуниемского и Руссекиельского, находящихся к северу и западу от Сердоболя, поголовно ушло в пределы московского государства» (5).

В 1617 году был заключен Столбовский мир, по которому Московское правительство должно было уступить Швеции Карельский уезд, населенный православными карелами и связанный теснейшим образом культурно и экономически с Россией. Шведское правительство, видевшее в православии основу связи карел с Россией, направило все силы на борьбу с православными карелами. Государственная власть в борьбе с населением употребляла всяческие приемы воздействия: угрозы, преследования и уничтожение непокорных, обман, обещание льгот, награды и поощрения

тем, кто, не выдерживая испытания или из корыстных целей, подчинялся господствующей силе. Как всегда, находились люди, боровшиеся за свою независимость, и люди, легко приспособляющиеся к новым условиям жизни, и, наконец, непокорные, но бессильные люди, устремившиеся в сторону от родного края и бросившиеся куда угодно, лишь бы не быть предметом совершаемых насилий и не выносить непоносимых бедствий.

Эти последние и составили основную массу карельских

переселенцев во внутренние губернии России. Вынужденные оставить Карелию, они воспользовались предложением Московского правительства поселиться на разоренных и опустошенных русских землях в Новгородской и Тверской губерниях, и толпами направлялись туда после Столбовского мира. Возобновление войны со Швецией в 1656 году, сопровождавшееся кратковременным успехом русских, которые встречались православными карелами как избавители, лишь усилило ужас положения карел. Отступление русских войск сопровождалось жестокостью и местью шведов по отношению к населению, которое, погибая от оружия, пожаров, голода и болезней, бросало родные места. По словам Salenius'a, 4107 православных карельских семейств бежало тогда из Приладожской Карелии в Центральную Россию. После войны положение карел стало еще хуже, что способствовало переселенческому движению. Карелы бежали в поисках счастья туда, откуда еще недавно несчастье, подобное пережитому ими самими, выгнало старых хозяев.

Историки карельской колонизации Тверской губернии именно к данному времени, середине XVII в., относят наибольшее колонизационное движение. Сохранившиеся записи и акты определенно указывают, например, на появление карел в слободе Толмачи в 1665 году, причем отмечается, что эмигранты, выйдя из лопских погостов, скитались до поселения в пустоши Бор около 30 лет. Но указанную дату нельзя считать временем начала колонизации, точно так же как и 1646 год (по Д.И. Рихтеру), так как уже в 1636 году сделана приписная «зарубежским выходцам» карелам, на которую ссылается Толмачевская церковная летопись. Упомянутая рукописная летопись, написанная в 60 годах XIX в., сообщает немало данных, устанавливающих как время первых массовых поселений, так и то, что Толмачевско-Козловский район был одним из первых центров карельских поселений. К сожалению, летопись, не давая характеристики исторического прошлого Толмачевского района, не подчеркивает того, что карелы приходили туда не как пионеры для культивирования новой территории, а лишь как новое население взамен разбежавшегося и погибшего русского населения.

Заселение края карелами, начавшись в первой половине XVII в., продолжаясь с особой силой в 40-х и 60-х годах, в общем шло до-

вольно медленно. Зачастую переселенцы годами скитались по разным местам, прежде чем осесть в Бежецком крае. В 1669 году в современных Бежецком, Весьегонском, Вышневолоцком и Новоторжском уездах насчитывалось около двухсот карельских дворов.

Если можно сказать, что основная карельская колонизация происходила в середине XVII в., то необходимо добавить, что переселение шло и позднее. После Ништадтского мира 1721 г., когда Карелия была включена в состав Российской империи, опять наблюдались переселения карел в центральные губернии. Еще позднее, считаясь с более хорошими природными условиями жизни в Бежецком крае, чем в Карелии, правительство не раз в конце XVIII и XIX веков предлагало карелам переселяться, а отдельные случаи переселения карел в Тверскую губернию продолжались до последнего времени (6).

Ко времени восьмой ревизии (1834 г.), в Тверской губернии насчитывалось карел 83304, распределенных по уездам следующим образом (7).

	Муж.	Женщ.	Всего.
Бежецкий уезд	12637	13854	6491
Весьегонский уезд	10393	11877	2275
Вышневолоцкий уезд	10109	11529	21638
Новоторжский уезд	5747	5990	11737
Кашинский уезд	518	645	163
Всего:	39409	43895	83304

Уже тогда, как и в настоящее время, наибольшее количество карел было в Бежецком уезде. По сведениям Центрально-Статистического Комитета за 1859 год в Бежецком уезде было 37059 карел (8). Земская статистика 1873 года указывает 42137 карел, но правильнее считать 35290 человек, так как Филиппковская волость, включенная по ошибке, должна быть исключена из подсчета. По крайней мере, ни один литературный источник, ни наши расспросы на месте не подтверждают наличности там ка-

рельского населения (9). Первая Всероссийская перепись 1897 года считает в Бежецком уезде без города 46950 карел, а вместе с Бежецком – 47076 карел, что составляет 19,69% и 18,99% общего количества населения.

**Количество карел по волостям Бежецкого уезда
(до изменения границ)**

Население в	1873 г.		1897 г.	1917 г.	
	Число карел	%	Число карел	Число карел	%
Алешинская	3847	85	5375	784	76
Алешковская	1017	14	991	—	—
Бокаревская	818	10	1910	648	6
Беляницкая	530	10	586	—	—
Заклинская	2585	54	3608	4106	46
Замытская	3447	51	4448	5268	42
Заручьевская	4766	85	6376	5719	48
Застолбская	535	10	872	1082	17
Ивановская	205	3	387	569	4
Ильгощинская	217	3	250	—	—
Кострецкая	1509	90	—	—	—
Микшинская	3756	70	4198	4490	61
Могочская	184	5	—	—	—
Моркиногорская	482	10	5	—	—
Новская	—	—	1	—	—
Поречская	—	—	27	—	—
Радуховская	52	1	31	—	—
Рыбинская	257	5	1252	529	4
Селищенская	2554	30	3508	4407	34
Скорыневская	—	—	4	—	—
Тebleшская	—	—	22	—	—
Толмачевская	4791	97	6054	7757	99

Трестенская	3539	98	6726	8561	91
Филиппковская	6867	98	—	—	—
Яковлевская	49	07	3	—	—
По всем волостям	42157 (10) 35290	22 (18)	46950 (19,69%)		

Сельскохозяйственная перепись 1917 г. дает общее количество карел в 49920 человек, или 18% всего населения уезда. Можно указать количество карел и по последней всеобщей переписи 1920 г., когда зарегистрировано 45082 карела, или 18,6%, но сравнивать это число с другими нельзя, так как границы уезда в 1920 году были иные, чем раньше.

Распределение карел в Бежецком уезде по данным переписи 1920 года

Название волостей	Кол-во селений		Кол-во домохозяйств		Наличие населения			%
	всего	в том числе с карелами	всего	в том числе карельских	всего	в том числе карел		
						по данным Беж. статис. бюро	по данным Ак. наук	
Залазинская	20	20	620	602	2876	2793	2819	98
Толмачевская	22	22	972	956	4513	4373	4382	97
Селецкогорская	26	24	809	767	3773	3638	3598	95,2
Кострецкая	7	4	193	181	937	876	893	95,3
Трестенская	72	71	1960	1715	9508	8140	8391	89
Диевская	26	16	720	589	3371	2681	2835	84,1
Змиёвская	7	6	428	356	1979	1626	1629	82,1

Дымцевская	12	12	356	336	1677	1581	1351	80,6
Алёшинская	44	32	1515	1215	6935	3458	5418	78,1
Микшинская	29	30	1080	773	5045	3625	3624	71,8
Заручьевская	46	21	724	387	3573	1911	1906	53,3
Добрынская	21	11	333	150	1533	688	691	45,1
Сабуrowsкая	41	15	1052	409	4811	1936	2063	42,9
Заклинская	44	14	1434	519	6958	2555	2570	36,9
Юркинская	20	3	913	116	4212	542	565	13,4
Киверская	34	3	884	92	4527	462	484	10,7
Поречская	82	4	3118	229	14924	1092	1098	7,4
Рыбинская	76	5	2275	99	11571	429	434	3,8
Ильгощинская	39	2	1756	59	8638	223	301	3,5
Викторовская	37	4	542	7	3034	28	20	0,7
Бокаревская	42	2	1052	2	5014	11	10	0,2
Константиновская	28	1	659	2	3457	6	—	0,1
Мотоложская	30	1	781	1	3775	7	—	0,1
Замытская	18	1	1051	1	5361	5	—	—
Лесоклинская	31	1	1056	1	5471	5	—	—
Георгиевская	35	1	1179	—	5942	1	—	—
По всем волостям	1514	315	49158	9563	241779	43692	45082	18,2

Таким образом, в настоящее время в современном нам Бежецком уезде следует считать около 45000 карел, что превышает 18% всего населения.

Изменение границ уезда и исключительные годы войны и революции не позволяют судить по приведенным данным об естественном движении населения и установить степень прироста или ассимиляции карел. Поэтому приходится ограничиться указанием общей цифры среднего прироста для карел Тверской губернии — 0,5%, которую мы заимствуем у Б.Б. Веселовского (11).

Одновременно с изменением числа карел изменялось и количество селений с карелами. Так, в 1858 году их было в Бежецком уезде 256, в 1873 году насчитывается 301, а Д.И. Рихтер в своей работе, относящейся к 1904 году, указывает 395 карельских се-

лений. В настоящее время насчитывается в уезде 315 карельских селений вместе с хуторами.

Приведенные данные указывают на те основные изменения, какие произошли за последние десятилетия в количестве карел и карельских селений. Но значительно больший материал для установления происшедших изменений, точно так же как и для изучения мест расселения карел по уезду, дают извлеченные из различных переписей и составленные Комиссией по изучению племенного состава населения России, поселенные списки, главнейшие из которых прилагаются к настоящей статье. Бесспорно, что приведенная статистика не отличается абсолютной точностью, но при сопоставлении данных нескольких переписей мы получаем совершенно определенную и достаточно правильную картину расселения карел по Бежецкому уезду.

Рассмотрение списков указывает, что карелы распределяются по уезду совсем неравномерно. Места первоначального заселения являются наиболее густо населенными карелами. Толмачевская и Трестенская волости старого административного деления, или Залазинская, Толмачевская, Селецкогорская, Кострецкая и Трестенская волости нового деления, представляют из себя почти сплошную карельскую территорию. К ним примыкают Диевская, Змиевская, Дымцевская, Алешинская и Микшинская волости, где $\frac{3}{4}$ населения – карелы. Другими словами, весь юго-западный лесной угол Бежецкого уезда занят карелами. От этого почти сплошного карельского района идут ответвления на восток в соседние волости, где уже больше половины русского населения. Другим менее значительным карельским районом является северо-западный лесной угол – Заручьевская и Рыбинская волости, где больше 2300 карел, отделенных от первого района неширокой полосой вдоль Рыбинской железной дороги. Если исключить железнодорожный район, то можно сказать, что западная лесная часть Бежецкого уезда является карельской.

Кроме этой основной карельской территории, соединенной с карельским районом смежных уездов, в Бежецком уезде сохра-

нились небольшие колонии, островками выделяющиеся на карте уезда. Значительная колония находится в бывшей Бокаревской (теперь Сабуровской) волости с 2063 карелами, сохранившими, несмотря на обособленное положение, карельский язык как разговорный язык всех возрастов начиная от детей до стариков, включая и школьников. Отметить указанное явление не лишне, так как находящиеся недалеко карелы Бекренского прихода в соседнем Мологском уезде совершенно обрусели (12). Другой карельский островок находится на севере уезда в районе бывшей Алешковской и Поречской волостей, где в четырех селениях, не считая отдельных лиц в других селениях, живет около 1100 карел. Наконец, третья, наиболее оторванная и малочисленная, колония находится на восточном крае уезда в Юркинской (бывшей Беяницкой) волости, где в трех селениях живет 565 карел (по данным 1920 года).

Подобная картина расселения карел устанавливается путем сопоставления целого ряда переписей и проверкой данных на местах, что дает возможность устранить ошибку, попавшую в очень ценные работы известных статистиков Покровского и Рихтера, относительно Филипповской совершенно русской волости, где было указано 98% карел, точно так же как заметить пропуск переписью 1917 года карел Алешковской, Ильгощинской и Беяницкой волостей, указанных другими переписями. Так удалось устранить главнейшие промахи, но мы не можем вполне определенно сказать, что прилагаемый список карельских селений совершенно точен. Он лишь основан на всех имеющихся официальных данных, исправленных нами, где это было доступно во время экспедиционной работы. Опубликование списков представляется желательным в целях установления полного и соответствующего настоящему времени списка карельских селений, чему, надо надеяться, не откажутся содействовать местные работники просвещения и старожилы. Очень было бы важно иметь указания не только о том, где теперь живут карелы или другие нерусские народности, но и получить сведения о степени обрусения, особенностях языка, нравов и быта, что значительно облегчило бы дальнейшее изучение населения уезда.

В заключение следует отметить, что карелы в Бежецком уезде не являются единственным инородным элементом. Кроме них, в

очень небольшом числе рассеянные по хуторам, живут эсты, латыши, поляки и белорусы. Их так мало, что они часто пропускаются официальной статистикой. Перепись 1920 года указывает восемь домохозяйств эстонских и пять польских. Белорусы не отмечены, хотя хутора так называемых могилян в Моркиногорской волости, по-видимому, принадлежат им.

Если по отношению карел необходимо совместными усилиями закончить составление полного списка, то небольшие группы или отдельные семьи различных народностей, переселившиеся в Бежецкий уезд за последние годы, особенно важно отметить теперь, пока еще не изгладилась память об их появлении в уезде. Сбрав эти сведения, можно будет сказать, что работа об этнографическом составе Бежецкого уезда в статистическом отношении выполнена с должной полнотой. Остается дело за изучением и описанием антропологических и этнографических особенностей населения уезда, чем заняты Этнологическая Экспедиция и Бежецкое Научное Общество и о чем будем говорить в следующих статьях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Richter*. Bemerkungen zu den Tverischen Karelien (Journal de la Soc. Fin.—ougr., XXIII, 1904).
2. Тверские Епархиальные Ведомости, 1882, № 3.
3. Писцовые книги Бежецкой пятины.
4. *И.Н. Постников*. Старые новгородские погосты.
5. *В.П. Крохин*. История карел. 1908 г.
6. Бежецким Научным Обществом только что получены очень интересные указания о переселениях карел в последние два столетия. Новые материалы по разработке будут опубликованы. Д.З.
7. *Коеppen*. Ueber die Zahe die Nicht-Russen etc. 1844 г.
8. Списки населенных мест Тверской губернии. 1859 г.
9. *Покровский*. Историко-статистическое описание Тверской губ. 1876—1882 гг.
10. Филиппковская волость, как указано выше, включена по

ошибке, поэтому следует считать для 1873 г. правильными числа, поставленные в скобках. Д.З.

11. *Б.Б. Веселовский*. Исторический очерк деятельности земских учреждений. 1914 г.
12. *Д. Золотарев*. Отчет по командировке в Ярославскую губ. Отчет Р.А.Н. за 1919 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора.	4
<i>И.И. Климин.</i> Предисловие к сборнику «Бежецкий край. Выпуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Часть I».	5
<i>А.А. Спицын.</i> Бежецкие древности.	10
<i>И.Н. Постников.</i> Бежецкий Верх.	33
<i>И.Н. Постников.</i> Дворянские землевладения в Бежецком уезде.	51
<i>С.Г. Петровский.</i> Основные черты хозяйственного быта Бежецкого уезда конца XVIII века.	75
<i>С.Д. Сеницын.</i> Теблешане.	95
<i>Д.А. Золотарев.</i> Этнографический состав населения Бежецкого уезда.	97
Содержание.	111

**Историко-краеведческий альманах
"Бежецкий край"
Выпуск №2**

Учредитель и главный редактор В.В. Козырев
Компьютерный набор и верстка В.В. Козырев
Компьютерная верстка И.Р. Франэк

Издательство «Ванчакова линия»
Редактор Е.И. Ступкин
Корректор Ф.Е. Мочалова

Фото: В.В. Козырев, А. Крохмалюк

Усл. печ. листов 5. Печать офсетная. Заказ № 32
Тираж 300 экз.

Отпечатано:
типография ИП Шатин Е.Е.
171170, Тверская область, п. Спирово,
ул. Центральная, д. 49. Тел. +7 (903) 808 44 92

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат

А.А.Ахматова